

«МЫ КАК ПРАВЕДНИКИ СПРЯЧЕМСЯ В СИБИРИ. А ОНИ...»

СОЦИОЛОГИ ЗАГЛЯНУЛИ В ГОЛОВУ «СРЕДНЕГО
РОССИЯНИНА» — ОН СОГЛАСЕН НА ЯДЕРНУЮ
ВОЙНУ, НЕ ПРОТИВ ЗАХВАТА ЕВРОПЫ, ВИДИТ
МИНИСТРОВ И ОППОЗИЦИЮ В ГУЛАГЕ...
— ЛИШЬ БЫ ОТ НЕГО ОТСТАЛИ

О ТОМ, НАСКОЛЬКО ПЕРЕПЛЕЛИСЬ ПЛАНЫ
ВЛАСТИ И НАСТРОЕНИЯ НАРОДА,
СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ ИТОГИ ВЫБОРОВ
И ТО, КАК ОНИ ПРОВОДИЛИСЬ **СТР. 2-11**

БИТВА ОЧЕРЕДЕЙ ПОД АККОМПАНИМЕНТ ЗЕЛЕНКИ

ВЫБОРЫ. ИТОГ.

**ГОДЫ — ДАЖЕ ДЕСЯТКИ ЛЕТ
УЖЕ — ЛЮДЕЙ ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННО
ОТУЧАЮТ ДУМАТЬ. ТЕБЕ
ГОВОРЯТ — ТЫ ВЫПОЛНЯЕШЬ**

Бюллетени, испачканные зеленкой

лания подводить руководителя и свою организацию, за лишний отгул или еще более укороченный короткий день — но выполняли. А другая часть в это время обрушивала порталы электронного голосования, потому что им сказали зарегистрироваться, привести еще три-пять, в зависимости от организации или города, знакомых, сдать персональные данные и телефоны — и голосовать. Не важно даже за кого. Но с той же мотивацией, что голосовали в аналоговых очередях: отгулы, страх подвести кого-то или потерять премию, нежелание высовываться и идти наперекор.

Аналоговые и цифровые очереди, помимо прочего, демонстрировали еще и лояльность — зримую и всем понятную. Вот эти все люди — они электорат власти и ее опора. Они должны были перекрыть в негласном соревновании эффект от нежелательных очередей нашего времени: хоть за яйцами, хоть на могилу Навального. У нас вообще началась какая-то битва очередей. После прощения с Навальским в государственных СМИ и подконтрольных ему ресурсах и поисковиках всякое мероприятие начали обязательно усиливать словом «очередь» или даже «огромная очередь». И человек, который хотел посмотреть фотографии с Борисовского кладбища, попадал то на очередь за билетами в театр, то на очередь на встречу с артистом-патриотом, то еще на какую угодно очередь.

А поскольку на полдень воскресенья была намечена оппозиционная акция на участках, то именно на это время стали назначать встречи в тех же местах с Чебурашкой, масленичные гулянья и собрания ветеранов СВО. И поди пойми, в какой очереди стоят все эти люди. Они недовольны властью или они хотят блинов?

Протестный «полдень воскресенья» имел, конечно, иной смысл. Там стояли точно не из-за страха — скорее вопреки ему. И не за отгулы или чтобы кого-то подвести и перед кем-то отчитаться. А потому, что явка в определенное время в определенное место с легальным поводом вновь стала возможностью высказаться. Не только придя с цветами на кладбище, но и с бюллетенем к урне. И это встретило вполне ожидаемое абсурдное противодействие, когда людям начали говорить «приходите через час-два» или что такое участие в выборах является нарушением закона. Да, участие в выборах постепенно становится противозаконным. Как и желание реальный выбор иметь.

Для пришедших в полдень сложилась странная ситуация. Ведь надо не только прийти на выборы, но и кого-то выбрать. Дошло до предложения использовать генератор случайных чисел, что, откровенно говоря, так же глупо, как выполнять распоряжения неизвестного из телефонной трубки. Потому что ты из мыслящего существа превращаешься в функцию, инструмент. Других людей или какой-то лотереи — тоже фактически придуманной другими людьми.

Характерный вопрос, который задают почти всем хоть немного известным людям. Мне тоже задавали: как голосовать, скажите? Всем, кому мог, отвечал: своя-то голова у вас есть? Почему вы ждете советов и распоряжений от других людей? Даже если вы их уважаете, цените и их мнение для вас важно. Но где же ваше собственное? Сердце, разум, душа — что-то пускай вам подскажет уже, и вы сделаете именно свой выбор.

Однако свой выбор делать у нас не получается. Не про всех поголовно речь, конечно. Но по сумме миллионов волеизъявлений итог именно такой. Цифры и проценты остались в истории. А за ними — очереди тех, кто своему «уму» предпочел чужой.

Антон ОРЕХЪ

Апотом — концерт! Выборы (хотите, в кавычках, хотите — без) прошли. Большинство выбрало еще на шесть лет того же самого человека, которого выбирало до этого и которого с высокой вероятностью выберет и еще через шесть лет. В этом смысле в нашем пейзаже мало что поменялось. Седых волос стало больше и оптимизма меньше.

Но эти последние недели запомнятся еще одним, что достигло кульминации в три дня голосования. Это битва очередей под аккомпанемент зеленки.

Зеленка, которую вливали в урны, а также поджоги этих же урн и кабинок — самое зрелищное и самое печальное впечатление от выборов. Конечно, есть те, кто начал чуть ли не героев делать из этих людей — вот, мол, протест против режима и его так называемых выборов. Но чем больше лилось зеленки и чем ярче

горели кабинки, тем очевиднее становилось, что ни к какому гражданскому протесту это отношения не имеет. Люди разного возраста и образования, снимая себя на телефоны, выполняли работу, кажется, даже не понимая, что они делают и что вот этим своим поступком не только закрывают какие-то кредиты, но и открывают себе дорогу в тюрьму.

Это напомнило такие же флешмобы по поджогу военкоматов и релейных шкафов. Не могла всем этим людям в разных городах страны одновременно прийти в голову одна и та же идея с зеленкой. И можно, конечно, обратить внимание на масштаб деятельности спецслужб Украины, которым нужно было выйти на связь с тысячами людей, чтобы найти несколько десятков, готовых сделать буквально что угодно. А можно увидеть в этом другое. Годы — даже десятки лет уже — людей целенаправленно отучают думать. Мозги — это не главное. Критическая оценка — ата-

визм. Тебе говорят — ты выполняешь. Когда-то наша учительница (да и ваша тоже) говорила: «А если все плюнут, ты тоже плюнешь? А если все из окна прыгнут, ты тоже прыгнешь?» Так вот, настало время, когда мы утвердительно отвечаем на вопрос: да, плюнем, да, прыгнем. Отдадим мошенникам последние деньги, подарим проходимцам квартиры, по команде голоса в трубке подождем и выплеснем зеленку. Я со страхом думаю, когда государство сообразит, что это может стать и его ресурсом. Бестолковая биомасса, готовая на все — даже во вред своим интересам, здоровью и самой жизни.

А пока власть применяет иную технологию. Утром в пятницу на участках были очереди. Бюджетники голосовали, а потом отчитывались. Им велели голосовать — они выполняли. Охотно или вынужденно — но выполняли. От страха, неже-

Соцсети

Алексей ДУШУГИН

Встреча Владимира Путина с баллотировавшимися на выборах президента РФ кандидатами

Григорий СЫСОВЕВ / POOL / ТАСС

НЕВЫБОРЫ БЕЗ ВЫБОРА

**ПОХОД НА УЧАСТОК — ВЫБОР
ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО МОРАЛЬНЫЙ, НЕ ВЛИЯЮЩИЙ
НА ЗАРАНЕЕ ИЗВЕСТНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ.
НО ЛЕГИТИМНОСТЬ НЕ МЕРЯЕТСЯ В ПРОЦЕНТАХ**

Верноподданническая встреча «кандидатов в президенты» Владислава Даванкова, Леонида Слуцкого и Николая Харитонов с президентом Владимиром Путиным с последующим их участием в митинге-концерте на Красной площади — выразительный финальный аккорд электоральной процедуры, де-юре именуемой выборами президента Российской Федерации, а де-факто имевшей к выборам весьма отдаленное отношение. И не только в силу заранее известного результата.

Проведение выборов в условиях, во многом характерных для военного положения, — с фактической блокировкой ряда статей Конституции, гарантирующих политические права и свободы, с криминализированным инакомыслием, невозможностью реализации свободы слова и собраний, политической цензурой, произволом правоохранительных органов и судами, штампуемыми обвинительными заключениями против несогласных, — не позволяет считать их выборами.

К этому добавилось отсутствие независимого наблюдения, замененного либо наблюдателями от «общественных палат», которые широко закрывают глаза на любые нарушения, либо наблюдателями от перечисленных спарринг-партнеров действующего президента, которые мало отличались от «палатных» (достаточно сказать, что в Петербурге донос на члена участковой избирательной комиссии от «Яблока», на основании которого ее пытались отстранить от работы в комиссии, написала наблюдатель от Даванкова).

И отказ от видеонаблюдения, замененного «видеофиксацией», не позволяющей в реальном времени контролировать происходящее.

И создание многочисленных помех членам избирательных комиссий от оппозиции, которым не давали документы, противодействовали, а при малейшем недовольстве пытались отстранить от работы по суду.

И трехдневное голосование, когда все бюллетени, поданные в первые два дня, могли быть заменены другими в течение двух ночей, когда они были в полном распоряжении избиркомов.

Напрашивается слово «невыборы».

И без всяких исследований по электоральной статистике понятно, что в таких условиях объявленный результат (уже почти «туркменского» типа) может иметь мало отношения к реальности.

Тем более при таком составе кандидатов, которые и так-то практически не отличались (о чем я рассказывал в «Новой газете», приводя таблицу их голосований в Госдуме) друг от друга по всем принципиальным вопросам, а сразу после голосования пришли на поклон к победителю.

И на этой встрече рекламируемый некоторыми персонажами как «кандидат за мир и переговоры» Владислав Даванков прямо и честно сказал Путину: «Вы абсолютно точно сказали, что наша общая цель — победить в специальной военной операции. Только вы можете победить в этом противостоянии». И еще добавил про «киевский режим».

Эта похвальная откровенность вряд ли переубедит тех, кто за него «топил», — как находящихся вдалеке от России политтехнологов, так и находящихся в России политологов и журналистов (и кто и после этой встречи продолжает искать для него оправдания).

Но, может быть, она заставит задуматься тех, кто за него голосовал, потому что он что-то сказал про мир.

Не обращая внимания на то, что именно на основании законов, за которые Даванков голосовал, сегодня сидят Алексей Горинов и Владимир Кара-Мурза*, Илья Яшин* и Александра Скочилленко, Михаил Афанасьев и Игорь Барышников, Мария Пономаренко и другие.

Задуматься о том, что нельзя выбирать «меньшее зло», и голосовать надо за прин-

ципы и ценности, а не опираясь на технологии «за кого угодно, кроме Путина».

Собственно, это уже было — и «за любую другую партию», после чего Госдуме в 2011 году наводнили коммунисты и эсеры, давно неотличимые от единороссов.

Но нет, решили еще раз наступить на те же грабли...

Количество яростных споров в протестной среде — как во время этих «невыборов», так и после них — зашкаливает.

В основном спорят о том, надо ли было ходить на выборы или нет, при этом одни обвиняют других в том, что они своей явкой «легитимизируют власть», а те их — в том, что они «сидели на диване, ни на что не влияя».

Смысла в этих спорах немного.

Потому что в таких условиях, как мы наблюдали, этот выбор был исключительно моральным, не влияющим на заранее известный результат.

Каждый решал сам — приходиться ему или нет, а если приходиться, то когда именно: это влияло на настроение участников голосования, но не влияло на происходящее.

Что касается «легитимизации» власти при помощи участия в голосовании, то это очень старая аргументация, возникшая уже много-много раз.

Потому что (сошлюсь на одного из лучших российских политологов — Владимира Гельмана), никакие проценты — ни явки, ни итогов голосования, в том числе за рубежом — не имеют к легитимности никакого отношения.

Легитимность вообще не меряется в процентах, говорит Гельман. Легитимность — это готовность подвластных подчиняться властвующим, независимо от того, как первые относятся ко вторым.

Итоги голосования могут привести к тому, что некоторая часть россиян изменит свои предпочтения и перестанет воспринимать сохранение статус-кво любой ценой как наименьшее зло по сравнению с переменами.

Это, по мнению Гельмана, необходимое условие кризиса легитимности, но, как говорят математики (я еще помню свою первую профессию), недостаточное. Для этого кризиса нужно, чтобы предпочтения перешли в действия. А между ними дистанция огромного размера. Да, порой она преодолевается очень быстро, но вполне может случиться, что переход займет очень долгое время...

Важно сегодня — мне уже приходилось об этом писать — не то, сколько процентов кому из кандидатов написали в протоколе. Сколько бы думцы, сенаторы, губернаторы, министры и государственные пропагандисты не восторжались результатом президента и не расценивали его как доказательство «небывалого сплочения» вокруг него. Помните, сколько голосовало за сохранение СССР? И что было потом?

Было понятно, что во время этой «электоральной процедуры» нельзя добиться перемен в стране.

Путь к ним будет, возможно, еще очень долгим и трудным. И он сможет начаться — еще и еще раз это повторю — только после прекращения огня и гибели людей.

Возможно, оправдается известное высказывание императора-стоика Марка Аврелия: «Не теряйте мужества — худшее впереди».

Потому что в условиях ничем не ограниченной власти президента возможно почти все что угодно.

И все же, все же, все же.

Сорок лет назад и власть КПСС была ничем не ограничена.

И казалось (в 1982, 1983, 1984-м), что мы так и будем всегда жить при этом режиме и никогда ничего принципиально не изменится.

Однако оно изменилось. И достаточно быстро.

Помните известное: «Это было навсегда, пока не закончилось»?

* Внесены властями РФ в реестр «иноагентов».

«НЕ ВСЁ МЫ ВЫБИРАЕМ»

**ВЫБОРЫ В БЕЛГОРОДЕ:
ПУСТОЙ ГОРОД И ВЫСОКАЯ ЯВКА,
ПОЛДЕНЬ ВОСКРЕСЕНЬЯ,
ВЗРЫВЫ И ГИБЕЛЬ ЛЮДЕЙ**

Пресс-служба губернатора Белгородской области

Последствия обстрелов Белгорода

Пролог

16 марта. Белгород.

Обстрел начался в 8 утра. 10 минут назад я вышел из гостиницы, чтобы походить по центру и поснимать предвыборную агитацию. Но так и не успел ее найти. Сирена застала меня возле драмтеатра. Она ревела истошно, но ни по чему нельзя было судить, что опасность — реальная: людей на улице не было, а редкие машины, казалось бы, не прибавляли скорости. Секунд десять сирена выла сама по себе, а я стоял на светофоре и просто ждал, когда зажжется зеленый сигнал.

И вдруг небо начало разрываться. Раскаты — короткие и глухие, как удары барабана. За ними — тяжелые выстрелы откуда-то с земли. Я слышал, как трясутся окна у окружающих меня зданий. В одном из домов на втором этаже женщина спешно задернула шторы.

Страх, который накачивает при обстреле, тяжело описать словами. Внутри все клокочет, и в то же время — нет оцепенения, только собранность. Вдали, метрах в трехстах, видна железобетонная коробка с надписью: «Укрытие». И я бегу к ней. Бегу на красный сигнал, бегу, осознавая каждое приземление ноги и каждый толчок. Я думаю: «Может, это последний раз я чувствую землю». И отвечаю сам себе: «Еще немного». Над го-

ловой по-прежнему рвется — кажется, что вот-вот должны начать падать осколки. И я уговариваю себя, что они не могут меня задеть, ведь вокруг такой большой город, а я такой маленький. Ведь не может ничего упасть именно на тот метр асфальта, который я преодолеваю сейчас. Впереди, сзади — но не на меня.

И я забегаяю в укрытие.

Обстрел уносит жизни двух человек.

Часть I. Поезд отчаяния

Двенадцатью часами ранее. 15 марта, 20.00. Восточный железнодорожный вокзал Москвы.

Напряжение чувствуется уже в поезде. Мои соседи по плацкарту как один мониторят Telegram-каналы. Кажется, что белгородцы читают их вне зависимости от возраста: потому что те оперативно — подчас оперативнее МЧС — предупреждают о ракетной опасности и рассказывают, куда «прилетело».

— Три раза, три раза за сегодня уже стреляли. Что творится, — причитает женщина средних лет на боковушке. — Ну неужели нельзя это никак прекратить?

— О-о-о, — тяжело вздыхает другая соседка.

Мы еще не знаем, что поздним вечером будет четвертый обстрел. В первый день выборов президента, по официальной информации, погибли двое жителей Белгородской области, ранения получают шестеро.

— А как прекратить? — спрашиваю я.

— Не знаю, — женщина откладывает телефон. — Да пусть бы уже сели и поговорили между собой, решили бы как-нибудь. Я от дочки домой еду. Страшно. Дочка в Москве у меня, говорит: «Мам, оставайся». А как я останусь? У нее семья молодая, квартира маленькая. А я сама себе ничего не сниму. Но страшно. Страшно, хоть не возвращайся.

За окном на соседнем пути люди садятся в поезд до Нижнего Новгорода. Они курят и смеются. Они едут в безопасное место. А мы — как будто находимся в поезде смертников. Сейчас нам ничего не грозит, но через девять часов мы выйдем на вокзал в городе, где воеет сирена и рвутся снаряды. Нижегородские пассажиры едут решать рабочие вопросы, встречаться с родными, гулять и радоваться жизни, а пассажиры поезда до Белгорода — вслушиваться в свисты и сидеть в коридорах во время обстрелов.

Но сейчас, на Восточном железнодорожном вокзале Москвы, мы все еще равны и просто смотрим друг на друга из окон. И я думаю, что люди в соседнем

поезде могут даже не догадываться, насколько разные у нас направления.

Часть II. Голоса разбитых домов

За стеной укрытия слышны приближающиеся шаги. Через секунду в бетонный проем вбегает всклокоченная женщина лет 45 на вид.

— Заходите, заходите, — кричу я ей. Но она меня будто не слышит. Тут же, остановившись у самого входа, она начинает звонить кому-то по телефону. Я не рискую приближаться к проходу и только наблюдаю, стоя у самой дальней стены.

— Коля, возьми трубку. Коля, возьми трубку, — приговаривает она. Но Коля трубку не берет.

Она звонит снова и снова. И вдруг — кладет телефон в расстегнутую сумку и опускается на пол.

Минуту я не знаю, что сказать. Потом выдавливаю: «Не переживайте, сейчас все закончится, и он позвонит».

— Он пошел в магазин, а я в парк, — тихо говорит женщина и слышно, что она готова заплакать. — Просто он в магазин, а я в парк. Ведь мы знали, что так будет. В восемь, потом в 12, потом в шесть [вечера], а потом перед сном.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ РЕПОРТАЖ

Я не сразу понимаю, что она говорит про «расписание» обстрелов.

— Ведь пятый день уже так. В одно и то же время, — продолжает она. — Почему мы не остались дома?

Позже и от других белгородцев я буду слышать, что на этой неделе город обстреливают строго в определенные часы. Правда, кто-то будет говорить: «8–9 утра, с полудня до двух часов, в 17–18 вечера и около 22».

На полминуты в укрытии устанавливается молчание. Все это время воздух гремит, а земля под нами вибрирует. Вдруг у женщины звонит телефон.

— Коля, Коля, ты в порядке? — спрашивает она. И слышит ответ. — Коля, я в укрытии. Я пересажу и пойду домой! Коля, жди. Будь дома. Я тебя люблю.

Она сбрасывает вызов, выдыхает и становится заметно веселее: ее муж вернулся из магазина и сейчас сидит в ванной. Ванная — одно из самых безопасных мест в квартире во время обстрела: по крайней мере, туда не залетят осколки стекла. А от прямого попадания снаряда, конечно, ничто не спасет: и укрытие, в котором мы находимся, тоже.

— У вас так всегда? — спрашиваю я. Сирена больше не воеет, но раскаты еще слышны.

— Эта неделя такая, под выборы. А вы не местный?

Говорю, что ради этих выборов и приехал.

— Вот и скажите там, в Москве, как мы живем, — бросает женщина. — Они ж там ничего не видят! У нас тут каждый день уже люди гибнут. А у вас спокойно, наверное.

Я слышу в ее словах упрек.
— А вы уже сходили голосовать?
— Дистанционно. Кто ж сейчас пойдет на участки? — усмехается женщина.
— Если не секрет, за кого?
— Секрет, — отрезает она.

ИЗБИРАТЕЛЬ-НЕВИДИМКА

Тишина длится уже 10 минут, и наконец городские громкоговорители оповещают: «Уважаемые граждане, отбой ракетной опасности». И я выхожу из укрытия. Женщина напоследок говорит:

«У вас есть часа три-четыре, чтобы походить по городу. — И добавляет: — Но лучше езжайте быстрее в Москву».

Белгород почти по всем признакам — обычный город. Но есть один момент, который бросается в глаза: этот город пустой. На улицах — и в центре, и в спальных районах — среди абсолютно целых, красивых домов, в парках — почти нет людей. Уже через несколько часов после обстрела на Гражданском проспекте — в том месте, где он примыкает к Соборной площади, я делаю фотографию: на ней три человека и один автомобиль. Разгар дня, самый центр города.

— Дело в том, что мы перестали гулять. Уже давно, несколько месяцев. Особенно после «того дня», — говорит мне продавец в магазине.

«Тот день» — это 30 декабря 2023 года, когда по самому центру города был нанесен удар из реактивных систем залпового огня. Тогда погибли 25 человек, 109 получили ранения. Ничего сопоставимого по масштабу ни до, ни после в Белгороде не происходило. На Соборной площади близ Вечного огня до сих пор сохраняется стихийный мемориал памяти погибших: детские игрушки (обстрел унес жизни пяти детей), книги, свечи.

Именно после 30 декабря в городе стали ставить укрытия. В основном — близ автобусных остановок. В некоторых из

ДЕЛО В ТОМ, ЧТО МЫ ПЕРЕСТАЛИ ГУЛЯТЬ. УЖЕ ДАВНО, НЕСКОЛЬКО МЕСЯЦЕВ. ОСОБЕННО ПОСЛЕ «ТОГО ДНЯ», — ГОВОРИТ МНЕ ПРОДАВЕЦ В МАГАЗИНЕ

укрытий есть инструкции, что делать в случае ранения, как оказать первую помощь. На некоторых есть указатели, подсказывающие, где находится аптечка: почему-то, как правило, это ближайший магазин, причем не всегда круглосуточный.

— Если нам нужно выйти на улицу, то мы передвигаемся строго от точки «А» к точке «Б», причем выбирая маршру-

ты вдоль бомбоубежищ, — продолжает продавец. — А так, чтобы просто погулять, — нет, разумеется, нет. Да и куда? Почти все кафе закрыты, торговые центры закрыты, кинотеатры закрыты. И, конечно, уехали многие. Я бы и сама

уехала, но у меня дочь-инвалид, ее никуда нельзя вывезти.
Пустота заметна и на избирательных участках. Сейчас я корю себя за малодушие, но я так и не решился сфотографировать эту пустоту: не хочется доставать камеру, когда официально ты не журналист, а на участке — только члены комиссии и полицейские.

Фото автора

На улицах Белгорода

Тем не менее в первый день я был на двух избирательных участках: в центре города и на Харьковской горе — и там не было никого. И никто туда не заходил, пока я наблюдал со стороны. В конце концов эту пустоту легко увидеть на записях с видеокамер, которые нет-нет, да и попадают в Сеть.

Местные СМИ тоже фиксируют на участках не слишком высокую активность:

«За полчаса пришло всего три человека: двое мужчин и женщина. Первый мужчина отказался разговаривать с журналистами, сославшись на усталость «из-за взрывов».

— Надо поддержать нашего президента, чтобы он знал, что мы с ним, — сообщил другой голосующий.

Пенсионерка, которая также пришла проголосовать на участок, сказала, что «надо голосовать, чтобы на вторые выборы не собирали».

На участке на улице Щорса решаю на хитрость.

— Простите, если на Есенина прописан, могу здесь проголосовать? — спрашиваю у члена комиссии.

— Ну нет, у вас там три своих участка есть, — отвечает она и показывает мне карту на телефоне. — 67-й, 69-й и 1236-й. Вы где прописаны?

— А, — говорю, — значит, мне на 69-й.

Уже разворачиваясь, чтобы уходить, будто мимоходом спрашиваю: «Совсем никто не идет?»

— Вчера много людей было, особенно утром, — говорит женщина. — А сегодня отдыхают, наверное.

Отдыхают...

При этом официальная явка в Белгородской области бьет все рекорды. Уже в первый день она была просто аномальной, особенно с 13.45 до 15.00. Белгородский журналист Никита Парменов заметил, что в 13.45 телеканал «Россия 1» сообщил, что «к настоящему моменту» явка в Белгородской области составляет 3,92%. Но уже в 15.00 официальная явка составила 50%. «То есть за 1 час и 15 минут — сразу после окончания режима ракетной опасности в рабочее время буднего дня — на УИКи в Белгородской области пришло 223 тысячи человек», — отметил Парменов.

Чиновников такие аномалии совсем не смущают, и по итогам второго дня голосования губернатор Гладков заявил уже о 77-процентной явке: «Наверное, враги наши забыли, что чем сильнее давление на русского человека, тем сильнее сопротивление, отдача. <...> Белгородская область — пример для всей страны».

Стихийный мемориал памяти погибших 30 декабря

Фото автора

На улицах Белгорода
практически нет людей

← СТРАНИЦЫ 4–5

Вот уж и правда, пример. Я смотрю на другие регионы: в Кировской области явка по итогам второго дня голосования составила 51,63%, в Свердловской области — 56,12%, в Хакасии — 48,93%. А ведь их не бомбят. Впрочем, по логике белгородского губернатора, именно поэтому избиратели там и не столь активны.

«Жизнью рисковать чего-то не хочется»

Впрочем, грешить на Вячеслава Гладкова все же не стоит. Жители Белгорода, с которыми мне довелось общаться, даже придерживающиеся оппозиционных взглядов, говорят, что губернатор — в той страшной ситуации, в которой оказался регион, — делает все, что может.

Гладков действительно лично ездит на места обстрелов, поврежденные дома ремонтируют оперативно, а за уничтоженные автомобили и другое имущество власти платят компенсации.

После 30 декабря главной претензией к правительству области была работа систем оповещения о ракетной опасности: тогда сирена в Белгороде включилась лишь спустя полчаса после массированного обстрела. Сейчас оповещение включается заранее — пусть и за несколько секунд до того, как начнутся взрывы. По крайней мере, у тех, кто находится рядом с укрытиями, есть шанс до них добежать.

В январе Гладков поручил разработать систему, которая бы открывала двери подъездов и укрытий в домах во время обстрелов. К марту эта система действительно появилась. «Ракетная опасность. Дверь

открыта», — гласят красно-белые надписи на некоторых подъездах. Пока еще этой функцией оснащены не все дома. Во время очередной сирены я нахожу защиту именно в подъезде девятиэтажки.

Большая часть обстрелов в эти дни приходится на район Харьковской горы. Местные считают, что ВСУ пытаются нанести удары по находящейся там электростанции, чтобы обесточить город. Но ПВО сбивает снаряды. Так это или нет — судить не могу, но очевидно, что белгородцам, уверенным в успешной

СЕЙЧАС ОПОВЕЩЕНИЕ ВКЛЮЧАЕТСЯ ЗАРАНЕЕ — ПУСТЬ И ЗА НЕСКОЛЬКО СЕКУНД ДО ТОГО, КАК НАЧНУТСЯ ВЗРЫВЫ. ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ, У ТЕХ, КТО НАХОДИТСЯ РЯДОМ С УКРЫТИЯМИ, ЕСТЬ ШАНС ДО НИХ ДОБЕЖАТЬ

«работе» противовоздушной обороны, от этого не легче.

На Харьковской горе прохожу мимо дома, пострадавшего от обстрелов 15 марта. Едва обгоревший фасад, разбитые окна, заделанные где-то целлофаном, а где-то фанерой. Поврежденный проем коридора.

— Это было в 8.20 утра. Утренний обстрел — как обычно. Сначала один взрыв

подальше, а второй — уже близко, и сразу звук разбитого стекла. Я оглядываюсь на окно, а там просто валит белый дым. Ну я бегом в подъезд, соседи тоже все вышли. На первых четырех этажах у всех стекла повывлетали. Но пострадавших нет, — говорит мне один из жителей, гуляющий с собакой. И мягко отказывается запускать меня в дом. — Уже к нам приходили замерщики, все нормально — скоро новые окна вставят. Все хорошо у нас.

— Чего он тут ошивается? — из уцелевшего окна на четвертом этаже высоко-

Я спускаюсь ниже по улице Щорса в сторону торгового центра «СитиМолл»: в сам торговый центр и в расположенный напротив него микрорайон Пригородный вчера тоже прилетели осколки снарядов. Но ТЦ не работает, а Пригородный — оказывается закрытым микрорайоном с КПП и охраной, и без прописки или приглашения меня туда не пускают.

На обратном пути замечаю, что на уличных торговых рядах — таких же пустых, как и сам город, — пожилая женщина расставляет соленья на продажу. Лидия Алексеевна даже радуется, что может с кем-то поговорить.

— Покупателей совсем нет, совсем, — причитает она. — Вчера как у торгового центра бахнуло, так тут народу не стало. Видите, никто даже овощами не торгует сегодня. А меня не было вчера, я к врачу ездила. Хорошо, хоть не видела этого...

Из припаркованного рядом авто выходит молодой мужчина. Василий — сын Лидии Алексеевны.

— Я ей говорил: не надо ехать, не будет покупателей. Но что делать — хочется ей, любит торговать, — усмехается он. — У меня вчера в квартире тоже окна разбились, но повезло: пакеты из двух стекол и выбило только те, что на улицу выходят. Скоро обещают заменить.

Василий говорит, что большую часть времени живет теперь у мамы — в селе в 15 километрах от украинской границы. Считает, что там безопаснее, чем в городе.

— Ракеты, которыми по нам сейчас стреляют, рассчитаны как раз на 40–50 километров, — уверенно объясняет он. — На короткие дистанции они стрелять не могут. А диверсанты,

вываляется женщина в бигуди. — Давай улепетьвай отсюда!

— Да журналист он! — кричит ей женщина.

— Журналист! Не надо нам журналистов. Чем он нам поможет? — женщина закрывает окно.

— Извините, но вы сами понимаете: все на нервах, — разводит руками.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ РЕПОРТАЖ

которые пытаются прорвать границу (в эти дни действительно штурмовали приграничье Белгородской области), на 15 километров не пройдут: у нас там все заминировано.

Ни Василий, ни Лидия Алексеевна на выборы не ходили.

— А надо бы за Путина проголосовать, — замечает пенсионерка.

— Ну за кого хочешь, за того и голосуй, — отвечает Василий. — Я лично не вижу смысла. Всем же понятно, кто победит. А жизнью рисковать чего-то не хочется.

Нечеловеческая сила

Ирина работает в бомбоубежище. Точнее, она работает продавцом посуды в подземном переходе, который проложен достаточно глубоко — метров на семь вниз. Я оказываюсь рядом с ним во время очередного обстрела.

— Заходите, заходите, — Ирина открывает дверь магазина. — Тут безопасно.

Она предлагает чай и просит не волноваться. Говорит, что по мне видно, что я не местный, — слишком уж растерянно выгляжу.

Над головой раздаются тяжелые удары, стекла магазинов в переходе вибрируют, но Ирина абсолютно спокойна.

— У меня самой в дом 14 марта прилетело, — рассказывает она. — Я как раз блинчики готовила, и вдруг — слышу такой звук, будто, знаете, молотком по железному листу ударили, а потом еще поскребли по нему. Муж с мамой рядом на кухне сидели. Что произошло дальше — сама понять не могу: в одну секунду я просто схватила их и бросила в коридор. Муж потом меня спрашивал: «Ты как это сделала?» А я не знаю. Говорят, в критической ситуации у человека появляются такие силы, какие даже представить нельзя. Ну и в итоге окна у нас выбило, угол дома пробило, а мы целые все. Разве что получили небольшую контузию: часа четыре вообще ничего не слышали — ни я, ни мама, ни муж. Но сейчас вроде прошло. Из потерь — сковородка только сгорела.

Окна в доме Ирины администрация города пообещала заменить в ближайшие дни, а вот с пробитым углом придется жить до лета.

— Говорят, что очень много заявок сейчас, — объясняет она. — Но соседи уже выручили: у них после строительства дома оставался утеплитель: мы его в два слоя сложили и дырку заткнули.

Саму спецоперацию Ирина считает необходимой. Говорит, что иначе бы Украина напала на Россию, и в Белгороде бы было намного хуже. И даже на выборы, несмотря на обстрелы, сходила — поддержала Владимира Путина.

— Конечно, эта жизнь ненормальная. И, конечно, надо будет вести переговоры. Очень жалко мирных людей, которые гибнут. И в Украине тоже. Но не всё мы выбираем. И сейчас там договариваться не с кем, не готова Украина к этому еще, — заключает она.

Часть III.
Брошенный город

С Кристиной Н. мы говорим в перерыве между обстрелами. Она — единственный человек, с кем я договорился о встрече заранее. И то — пообещав анонимность. Зато у нас гарантированно есть 40 минут: некоторые белгородцы успевают за это время решить все дела, чтобы еще неделю не выходить из дома.

— До 24 февраля 2022 года я и представить не могла, что *** начнется. Мозг просто игнорировал тот факт, что в моем регионе появляются танки, БТР, военные... Все это воспринималось как запугивание, — рассказывает она. — Мой мастер маникюра — женщина из Харькова, и за три-четыре дня до *** я была у нее,

и она сказала, что недавно гостила в Харькове, и там тоже никто не верил в опасность. Она говорила, что ходила в клуб, все пели, веселились, танцевали. И, конечно, 24 февраля разделило жизни многих белгородцев и харьковчан на «до» и «после».

Кристина говорит, что то утро было одним из самых страшных в ее жизни. Ее дом — один из крайних в городе, окна выходят на поле.

— И я видела эти взрывы. Я видела, как рядом с моим домом пролетали вертолеты. В первые минуты я еще не могла понять, что происходит. Взяла телефон и увидела сообщение от знакомого — россиянина, живущего в Харькове. Дальше у меня была истерика. Я сидела рядом со своим домом и плакала. А мимо меня шли совершенно спокойные люди, и я не понимала, почему они так спокойны.

Большинство знакомых Кристины разделяли ее позицию. Но она признает: конечно, в целом Белгород в те первые дни и месяцы спецоперацию поддержал. Она объясняет это тем, что регион — агропромышленный, консервативный и в целом зависимый от федерального центра.

Однако за два года, говорит девушка, эти настроения изменились:

— Первое тяжелое событие для Белгорода произошло 3 июля 2022 года, когда в самом центре, на улице Мичурина, упал осколок сбитой ракеты. Тогда погибла семья из пяти человек. Для многих это стало откровением, люди вдруг будто осознали, что *** близко. Потому что до этого — да, были обстрелы Новой Таволжанки (село на границе с Украиной. — И. Ж.), что-то прилетало в Шебекино. Но в самом Белгороде было тихо, проходили фестивали, концерты. И люди думали: «Это не про меня, это где-то далеко». И вдруг они задумались, что это — про них. А потом обстрелы стали происходить все чаще и чаще. И постепенно стали регулярными. И я стала замечать в людях усталость. Больше нет бравоирования, шапкозакидательских настроений. И то, что город пустой, — это совершенно ненормально, он никогда таким не был. Он всегда был живым.

Но есть еще одно очень сильное чувство, которое испытывают многие белгородцы. Дело в том, что Белгород — один переживает эту боль. Его как будто оставили. Если помните, в 2023 году были популярны такие теги: #шебекиноэтороссия и #белгородэтороссия. Эти теги — о том, что мы остались со своей бедой один на один. Владимир Путин все время говорит одни и те же фразы: «Мы отомстим», «Мы поможем». Но ничего не меняется. В реальности ситуация не меняется никак. У нас каждый день гибнут люди, а от Москвы — только формальное сочувствие. Только Гладков один бегаёт и пытается все дома починить, компенсации раздать. Но это ведь не решает проблему.

Я считаю, что Белгороду нужна полноценная эвакуация. Что тех, кто хочет покинуть город, необходимо из него вывезти. И не просто в санаторий под Старый Оскол на две недели, как это делается сейчас, а в другой, безопасный регион. Им нужно помочь со съемным жильем, с трудоустройством, с местами в детских садах и школах. Можно как угодно относиться к Ксении Собчак, но она единственная, кто сегодня этим занимается (у Собчак действительно есть проект по эвакуации людей из Белгородской области, помощь получили уже 145 семей. — И. Ж.). И я не понимаю, почему этого не делает государство.

Кристина, конечно же, пойдет голосовать на выборах президента в воскресенье в 12.00. А над официальными цифрами явки она только иронизирует: говорит, что не заметила очередей на избирательные участки.

Иван ЖИЛИН
Фото автора

Лидия Алексеевна

В магазине Ирины

Двери подъездов открываются во время ракетной опасности

P.S. В 11.59 в воскресенье крупный «патриотический» Telegram-канал, предупреждающий об обстрелах, опубликовал сообщение: «Белгород и окрестности — в укрытие». Сирена не выла, выстрелы не звучали, и в общем-то было понятно, что это сообщение скорее связано с намеченной на 12.00 оппозиционной акцией. Но ни в 12, ни в 13 часов на избирательных участках на Гражданском проспекте, который я исходил вдоль и поперек, людей не появи-

лось. Telegram-каналы и местные СМИ не сообщали об очередях и в других районах города. Впрочем, причины понятны.

В 14.10 снова начался обстрел. Гостилицу, в которой я оказался в тот момент, трясло. А один человек, не успевший попасть в укрытие, погиб. Еще одиннадцать — ранены.

Официальные итоги 15–17 марта в Белгороде и Белгородской области таковы: явка — 87%, погибших — 10, раненых — 68. Победа Владимира Путина.

Один день выборов корреспонденты «Новой» провели там, где протестное голосование могли бы вызвать отнюдь не политические причины, а самые банальные — в населенных пунктах, где у людей нет того, что необходимо для жизни. Поселок Мга (Кировский район Ленинградской области) в 70 километрах от Петербурга с населением 10 тысяч человек — как раз такой населенный пункт. Название Мга переводится с финского как «топкое место», «рыхлая земля». В народе же поселок городского типа давно переименовали в «маленький город алкоголиков». Судя по статистике, по меньшей мере две трети местных жителей уверены: кроме как пить, тут больше делать нечего. Во Мге люди годами живут без нормальных больниц и школ: нет полного комплекта врачей и учителей, нет дорог, по которым не страшно ездить, негде работать — заводы и предприятия закрылись десятилетия назад, и на их месте не появилось ничего нового, в частном секторе нет даже водопровода, и когда замерзают колонки, люди остаются без воды. Казалось бы, желание перемены здесь настолько очевидно — очевиднее некуда. Но нет. Народ выбирает «стабильность»: «все плохо, но все стабильно плохо, а это уже хорошо...»

Алексей ДУШУТИН

МГА СТАБИЛЬНАЯ

КАК И ПОЧЕМУ ГОЛОСОВАЛИ НА ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРАХ ЖИТЕЛИ МАЛОНАСЕЛЕННОГО ДЕПРЕССИВНОГО ПОСЕЛКА В ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Во Мгу въезжаешь сразу по главной трассе поселка — Советскому проспекту. Через пару километров упираешься в памятник Ленину. Вождь мирового пролетариата здесь, как и во многих населенных пунктах Ленобласти, уцелел и все еще вытанутой правой рукой указывает путь, сейчас — по стечению обстоятельств — на избирательные участки. С прошлого лета Ленин в центре Мги притягивает сельчан, как никогда раньше: возле монумента соорудили фонтан, маленький, но первый в поселке за всю его 120-летнюю историю.

Вокруг Ильича расположились (слева направо) местная администрация, кинотеатр «Октябрь» на 84 места (до 2023 года — единственный в Кировском районе Ленобласти) и Дом культуры. Сегодня ДК — главное место притяжения во Мге. Всего в поселке три избирательных участка, два — в школах (где по этому случаю

в пятницу и субботу отменили все уроки) и самый крупный — в ДК.

Именно сюда рано утром 15 марта строем промаршировали бойцы 90-го отдельного специального поискового батальона — единственного небольшого воинского подразделения, еще сохранившегося во Мге. Самые организованные избиратели проголосовали по-военному быстро и, вероятно, правильно. Затем к урнам потянулись гражданские лица, на взгляд, примерно две трети из них — категории 60+.

— Нет-нет-нет, нас агитировать не надо, мы и так патриотично настроены, — бурно размахивая руками, упредила все мои вопросы пожилая дама с седыми кудрями, похоже, спутав журналистов с кем-то другим.

Агитация во Мге необходима так же, как запасное колесо звездолету. Здесь в каждом доме есть телевизор, и любой местный житель, владеющий минимальным набором слов, сам способен объяснить, как надо голосовать и почему. Все

пенсионеры в поселке шли на выборы с такими лицами, словно держали перед собой бюллетени с уже проставленными галочками, в единственно возможном (понятно каком) квадратике. Очень радовались, что действующий президент подумал о них, разрешив проголосовать за него в пятницу:

— В выходные-то на даче работать надо! — 72-летний пенсионер Николай Григорьевич, опираясь на костыль, объяснял свой ранний пятничный приход на участок. — Пора, снег уже сошел, а то кто нас потом с женой кормить весь год будет? Не пенсия же, только огород...

Всю первую предвыборную ночь в поселке шел дождь. Наутро было легче порой перепрыгнуть речку Мгу, тонкую, как ручей, и протекающую по всему поселку, чем обойти некоторые лужи. Тем не менее хмурым пятничным утром 15 марта Мга проснулась как по будильнику, общему для всех, и выползла на улицы. Часть жителей, вероятно, проснулись от музыки — с 8 утра из колонок, установленных

в Доме культуры, через распахнутые окна доносились жизнеутверждающие патриотичные куплеты:

*Русский парень от пуль не бежит,
Русский парень от боли не стонет,
Русский парень в огне не горит,
Русский парень в воде не тонет...*

Звучали амбициозные строки нового детского гимна:

*Мы — Новая Россия, мы учимся,
творим,
Космические дали мы скоро покорим.
Одна у нас забота — скорее подрасти
И новые маршруты на карту нанести...*

Под такие напевы жители Мги покоряли не новые, но весьма важные для них маршруты к урнам для голосования. Две подружки — мамы детей-инвалидов по дороге на участок объяснили нам, что «не каждый день предоставляется такая возможность поддержать пре-

зидента», который «из говна вытащил страну». Мамочки изумились, что кому-то может быть непонятно, что они имеют в виду. А в разговоре о насущном признались: ни необходимого лечения, ни тем более реабилитации для их детей в поселке нет.

— Естественно, здоровых-то детей не лечат. Но, — подчеркнули женщины, — зато для инвалидов есть льготы и пенсия.

Радостные лица не оставляли сомнений: в атмосфере праздника шагали на избирательный участок супруги Вероника и Сергей (обоим — по 45 лет). Широко улыбались, не стесняясь ни наполовину беззубых ртов, ни стареньких курток с дырками, ни выдавшей виды обуви. Жена даже подпевала голосам из колонок, отчего муж улыбался еще шире. Супруги отправились на выборы в пятницу, потому что в субботу Сергей должен заступить охранником на две смены подряд.

— Конечно, будем голосовать за Вовку Путина. Если бы не Вовка, такой страны бы не было, — уверена Вероника.

Такой Мги, вероятно, тоже. Поэтому прошу объяснить супругов, что, с их точки зрения, за 20 лет Путина у власти получила и Мга, и Россия? Разве все так хорошо? И в стране, и в поселке?

— Ну, в поселке, — протяжно произносит Вероника, и у нее заметно портится настроение. — Тут даже дорог нет, и их все никак не сделают. Я здесь родилась, всю жизнь живу, хороших дорог не помню. Заколебали аварии на водопроводе. Чуть что, и мы сутками ждем, пока трубу починят! Ни пригласить, ни посуду помыть, ни самим помыться. Для детей ничего не могут придумать, чтобы занять их.

— Да, — встревает в разговор Сергей, — пустующих зданий в поселке куча. Хотя бы в одном взяли бы и открыли какой-нибудь маленький компьютерный клуб, чтобы после школы дети ходили туда, играли в свои игры. А то они после уроков идут на железную дорогу и там гибнут. Уже сколько случаев...

Сергей замолкает. Вероника кивает головой, вздыхает и... спохватывается:

— Но Путин-то здесь ни при чем! Это местные власти во всем виноваты, глава района Ибрагимов, губернатор области Дрозденко.

— А губернаторов кто назначает? Не президент? А глав района — не губернатор?

«Политинформация» ставит Веронику с Сергеем в тупик, они быстро извиняются и говорят, что спешат голосовать.

74-летняя пенсионерка Нина Андреевна тоже спешит, но не на участок, проскакивает мимо него — на работу. Голосовать она сможет только в воскресенье. А в рабочие дни в бывшем помещении детской поликлиники, признанном аварийным, Нина Андреевна с ровесницами плетут маскировочные сети для россий-

ских бойцов в зоне СВО. За аренду двух крохотных комнат — рабочей и складской — платит местный благотворительный фонд «Шаман». Его же сотрудники увозят на фронт коробки с грузами. А вот на материалы для маскировочных сетей, на шерсть для носков и рукавиц пенсионерки скидываются.

— Как с каких доходов? С тех, что есть — со своих пенсий. Но деньги тут — десятое дело, мы людей спасаем, — объясняют рукодельницы.

Нина Андреевна не коренная жительница Мги. Тридцать лет назад бежала в Россию из Таджикистана от войны, одна с двумя дочерьми, мужа убили. Пожилая женщина говорит, что до сих пор не понимает, из-за чего тогда воевали таджики. Другая история — сейчас с Украиной, здесь Нине Андреевне все понятно.

— В Великую Отечественную у меня погиб отец, — вспоминает пенсионерка, — и вот опять возрождается фашизм. Нельзя такого допустить. Я верю, что Путин не допустит...

После полудня к Дому культуры и школам подъезжают газели с горячим питанием и подарками. Теперь сделавшие выбор семьи с детьми покидают участки, одаренные маленькими российскими флажками.

— Ну что по такому случаю купим — торт или пироги? — спускаясь по ступеням ДК, спрашивает бабушка у внуков — 3 и 6 лет.

— Пироги, — выпаливает один.

— Не, баба, торт! — отвечает другой.

Оба вырываются и убегают вперед, радостно размахивая маленькими дареными триколорами. Бабушка мальчиков не догоняет. Евгении Борисовой — 76 лет, она давно на пенсии, но уже несколько лет работает уборщицей в торговом центре:

— Пенсия у меня такая крохотная, что я без калькулятора сосчитаю, на что она уходит: за квартиру заплатить и лекарства в аптеке купить на месяц — всё! А врачей в поликлинике нет, и здоровья тоже нет, можно обращаться к платным, а на какие деньги? Тяжело, конечно, но пока ноги держат, тружусь. Только вот дороги, — опускает взгляд пенсионерка. — Когда я с рабо-

ты впотьмах иду, всегда молюсь: только бы не споткнуться, не упасть, не переломать кости...

Евгения Михайловна долго думает, что изменилось к лучшему в поселке за четыре срока Путина.

— Да все хорошо, — подытоживает она, в конце концов. — Мы сейчас живем стабильно. Правда, цены постоянно растут. Но рынок есть рынок, что поделаешь. А так все стабильно...

Борисова тоже голосовала за Путина. Свое решение объясняет просто:

— Выбора нет. Один слишком молодой, другой слишком старый. И ни о ком из них раньше я не слышала. Да и зачем в России что-то менять? От добра добра не ищут...

После обеда спешащих на участки жителей Мги прибавляется. Многие надеются, что в пятницу вечером в ДК устроят концерт местных музыкальных и танцевальных коллективов. Но на входе узнают, что песни, танцы и гулянья по полной программе отложены на воскресенье.

Администратор кинотеатра «Октябрь» Галина Алексеевна, оглядывая людную площадь перед ДК, замечает:

— Даже не помню, когда я в последний раз видела столько народа на улице одновременно. Если бы не знала, что выборы — три дня, то подумала бы, что весь поселок решил уложиться в один день.

Идею ограничить голосование одним днем во Мге без шуток обсуждали сотрудники правоохранительных органов.

— Если бы все прошли сегодня, мы бы скорее уехали домой, — размечтался полицейский, досматривающий людей при входе в ДК. Непривычно смешливый и разговорчивый сотрудник органов рассказал, что вся полиция командирована на пять дней (с учетом времени на подготовку к выборам) во Мгу из Кировска, поскольку своей полиции в поселке нет: упряднили за отсутствием кадров.

От полиции в поселке осталось только двухэтажное здание, которое теперь занимает один участковый. Здание закрыто на замок изнутри. Достучаться трудно. Жители поселка смеются: «Это участковый от нас и наших жалоб прячется». Люди уже привыкли, что самый бесполезный из горячих телефонов — «02». Полиция из Кировска едет долго, если выезжает на вызов вообще. «Тут, кто боится, тот вечером на улицу не выходит», — рассказывают о методах самосохранения обитатели Мги.

Большинство преступлений здесь — от бедности и нужды: грабежи, разбои, кражи. Доходит до курьезов. Несколько лет назад, после реконструкции поселкового кинотеатра, рядом установили скульптуру — Вицин, Моргунов и Никулин (Трус, Бывалый и Балбес). Но в первую же ночь украли Никулина. Кто-то решил, что скульптура из цветного металла, а оказалось это — краше-

Пошив маскировочных сетей для российских бойцов в зоне СВО

ВРЕМЯ ХОРОШИХ

ЛЮДОДОЕДОВ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОКАЗЫВАЮТ, ЧТО ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО ВСЕ В БОЛЬШЕЙ СТЕПЕНИ СЛИВАЮТСЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ О БУДУЩЕМ И ПУТЯХ ЕГО ДОСТИЖЕНИЯ

Каждый раз, когда по работе или в попытках разобраться в том, кто живет в стране рядом с тобой, читаешь многочисленные так называемые патриотические телеграм-каналы, блоги и медиа разной степени яростности, ловишь себя на мысли, что — нет, они не могут это всерьез про «всех накажем», «мы бесконечно круче всех», «вокруг враги, и только мы — д'Артаньяны»... А если и могут всерьез, то не по велению души, скорее по работе.

Но чем чаще натыкаешься на них и чем пристальнее вглядываешься, тем чаще замечаешь за иступленной истерикой нотки искреннего вождения и желания уничтожить каждого, кто думает не в ногу, и готовности идти к своим целям до конца. Возникает ощущение, что они не просто упорно и неутомимо транслируют параллельные генеральной идеологической линии лозунги, а истово в них верят. И лозунги эти не только параллельны основным постулатам привластных генераторов смыслов и властителей дум вроде господина Дугина, который недавно призвал к тотальной милитаризации жизни в стране, к «тотальному массовому повсеместному внедрению традиционных ценностей», идеологизации всего общества, ограничению «либеральных прав и свобод» и введению категорического запрета на «любую критику государства, героев России, власти и президента», но и отражают то, что каким-то образом выросло и уложилось в головах многих и многих россиян.

Озвученные же в начале недели восемьдесят семь процентов, даже если они на самом деле вовсе и просто восемьдесят три, сколько бы их честным образом ни было в двузначном числе, отвечающем за более чем половину от проголосовавших, только подтверждают, что изрядное количество людей — большинство соотечественников — разделяют или хотя бы частично разделяют то, что стало государственным смысловым мейнстримом.

Чтобы понять, так оно или нет, а если так, то что конкретно думают о стране и ее настоящем и будущем люди, которым в нашем сегодня все как будто нравится и все устраивает, мы в рамках исследований нашей Лаборатории будущего «Новой газеты» провели несколько фокус-групп, отобрав для честного предметного разговора именно таких людей: обычных москвичей, в основном средний класс или близко к тому, с неплохим образованием, явно не голодающих и выступающих «за». И услышанное, нет, не удивило, но более чем впечатлило.

Запрос на стерильность, или всех накажать

Люди, с которыми мы поговорили, безусловно, поддерживают все действия

власти, одобряют военные действия в Украине, да и вообще практически всё одобряют, но при этом они отчаянно недовольны попустительством государства в отношении тех, кто так или иначе мешает им и стране жить комфортно. Триада ЖКХ, здравоохранение и образование, в которых, с их точки зрения, творится полный бардак, требует немедленных реформ, и практически у каждого нашлась личная история той или иной степени чудовищности, которая необходимость таких реформ вполне очевидно подтверждает.

Только вот под реформами они в первую очередь понимают «уволить всех»: четко и быстро в очередь на моментальное увольнение были названы Набиуллина, Силуанов, Голикова и Кравцов. Они представляются людьми в управленческой машине и лишними, и чрезвычайно вредными, проводящими совершенно не так и не ту политику, действуя антинародно и не в интересах что обычных людей, что государства.

Кроме того, по мнению наших собеседников, России надо вообще как мож-

но скорее и радикальнее избавиться от всего «наносного» западного и ото всех, кто в самом широком смысле этого слова «антипатриотичен» и «антинароден». Точно объяснить, кто это такие и что они конкретно делают не так, нам никто не смог, ограничившись лишь весьма общим описанием неких «тех, кто баламутит и против власти». Но на вопрос, а как от них страна должна избавиться, одна из участниц встречи (вообще сложилось впечатление, что женщины оказались идеологически более кровожадны) широко повела рукой и предложила «выслать их из страны, а если никак нельзя выслать, то собрать их всех и отправить в такие... ну, как бы тюрьмы». В ответ на это предложение активно и одобрительно закивала головами вся группа.

Наверняка именно им, выступая на прошедшей на днях коллегии ФСБ, вновь избранный президент как раз и пообещал «немедленно пресекать любые попытки провоцировать смуту» в стране. Низовой запрос на зачистку общественного пространства от всего иного и

отклоняющегося, похоже, и услышан, и уже обращен в планы.

Каждый день в новостях все нарастающим потоком множатся новости про задержания, проверки и аресты, и, грешным делом, казалось, что эта разрастающаяся «опричина» — всего лишь массовое творчество силовиков, считавших базовый посыл центральной власти и старающихся кто за идею, а кто за галочку. Но, похоже, что считали они не только и не столько то, что говорится наверху, а почувствовали готовность общества к идейно обоснованному избавлению от «лишнего» и переделу всего — от должностей до собственности. И уже не кажется столь диковинным и неуместным недавно мелькнувшее в одном из авторитетных «патриотических» каналов предположение, что «если мы объявляем будущей элитой тех, кто участвует в СВО, то их надо будет награждать в самом широком смысле: должностями, собственностью, положением. А чтобы их награждать, все это надо у кого-то забрать».

Готовность к войне и даже больше

Наверное, не должно было, но все же оказалось удивительным активное желание собравшихся на фокус-группах подробно, с чувством, с толком, с расстановкой говорить о конфликте с Украиной и военных действиях. Все точно «знают», с каких событий все началось и кто виноват, вспоминают даты и имена, с легкостью равняют Зеленского, Байдена и почему-то Макрона с Гитлером — и вообще в целом очень точно ориентируются в том, кто что где недавно взял, захватил или разбомбил. И все с той же невероятной легкостью выражают готовность двигаться в военных действиях до победного, где «победное» и доходит до западных границ Украины и продвигается все дальше, дальше и дальше.

Вопрос: «зачем так далеко?» — получает простой ответ: «иначе нельзя, уж коли начали — надо». Никаких сомнений и никаких сожалений или вопросов о необходимости воевать чуть ли не со всем миром говорится в той же обыденной тональности, как о необходимости пересмотреть тарифы на газ в сторону уменьшения или о трудностях с квотами на лечение по ОМС.

И совсем на этом фоне не удивительно, что, рассуждая о том, а что же придется делать, если все застопорится или пойдет не так, — и мужчины, и женщины, и те, кто постарше, и относительно молодые дают простой ответ: надо шарахнуть ядерным. С несколько покровительственной усмешкой некоторые добавляют: вообще-то давно пора уже. Только надо своих «там» и нас тут вовремя предупредить, мы уж как-нибудь добежим до Сибири. А если кто не успеет, ну что ж — всяко бывает. Что же будет после этого? А будет мир. Все сразу закончится, и мы победим. И все довольно улыбаются.

Мы хорошие, поэтому нас все ненавидят

Очень и очень много слов было сказано про то, что и сами наши участники, и окружающие их живут очень ценностной жизнью, как они ее себе представляют: помогают всем, друг другу и даже менее удачливым зарубежным партнерам, заботятся о том, чтобы беречь страну и ее духовные основы. И это все, как ни странно, и является, по их мнению, основной причиной фундаментального конфликта России с окружающим миром: мы слишком хороши для него,

Алексей ДУШУГИН

зависть к нам приводит к ненависти и к тому, что все на нас нападают и чинят всевозможные козни — что сегодня, что всю нашу историю. Мы не даем себя обижать и грабить, стоим за свою самобытность и столь привлекательную в наших собственных глазах особенность, и обычный народ из-за разных рубежей к нам даже тянется и нас любит, но им

не повезло с властью, которая и своих граждан мучает и обманывает, насаждает «содомию и нацизм», и нас в грош не ставит и с нами не считается... И так по кругу: нас любят, но не уважают, хотя за что нас не любить?

Как ни странно, но при всем при этом в конечном итоге все чаяния людей сводятся к простой формуле, под которой так легко вроде бы каждому из нас подписаться: мир — справедливость — предсказуемость. Только мира они хотят любой, пусть даже самой страшной ценой и такого, который им понравится, справедливость у них равна выполнению их желаний, а предсказуемость страннейшим образом предполагает «гнуть свою линию» — а там посмотрим. Где под «гнуть свою линию» понимается готовность, забывшись от всех иных и лишних, и ценностно, и физически оуклится в своем собственном мире, границы которого при этом могут раздвинуться чуть ли не на весь земной шар, а на Европу так уж точно, и внутри этого мира противостоят и суверенно развиваться, несмотря ни на что и ни на кого.

И я затруднюсь сегодня с точностью сказать, что тут яйцо, а что — курица, и кто транслирует чьи мысли и чаяния. Люди ли наслушались соловьиного телевизора и начитались условных дугиных и в такт увиденному и услышанному людоедски клещают клыками, вождя ядерного и репрессивного возмездия врагам снаружи и внутри, или власть просто считывает и оформляет в программные реляции народный запрос на особый жизненный и исторический путь.

Вроде бы еще позавчера казалось, что несущиеся из разнообразных воткнутых в государственную розетку утигов завиральные идеи про глобальный заговор Запада, про рептилоидов и протоколы Сионских мудрецов, про плоскую землю и зажавшиеся «голые» элиты, про каких-то там зараженных чем-то жуков или гусениц, выведенных специально против нас, и про глубоко обоснованные историей причины жить так, как мы живем, и делать то, что мы делаем, — да, казалось, что все это проносится белым шумом над головами разумных, вменяемых граждан, не затрагивая их и их не меняя. Похоже, только казалось.

И уж тем более выкрикнутое по случаю особо рьяным патриотом в камеру на кремлевском мероприятии «всех убьем, всех ограбим!» представлялось индивидуальным мнением человека, перебравшего с захлестнувшими эмоциями. Тем мнением, от которого содрогаешься, конечно, но пожимаешь плечами: это не может быть всерьез и массово. Но вполне может стать, что этот посыл не индивидуален и не случаен, что он выпестован и востребован и что для изрядного количества живущих рядом с нами сограждан он определяет вариант будущего.

Елена ПАНФИЛОВА

ВЫСТУПАЯ НА ПРОШЕДШЕЙ НА ДНЯХ КОЛЛЕГИИ ФСБ, ВНОВЬ ИЗБРАННЫЙ ПРЕЗИДЕНТ КАК РАЗ И ПООБЕЩАЛ «НЕМЕДЛЕННО ПРЕСЕКАТЬ ЛЮБЫЕ ПОПЫТКИ ПРОВОЦИРОВАТЬ СМУТУ» В СТРАНЕ. НИЗОВОЙ ЗАПРОС НА ЗАЧИСТКУ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА ОТ ВСЕГО ИНОГО И ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ, ПОХОЖЕ, И УСЛЫШАН, И УЖЕ ОБРАЩЕН В ПЛАНЫ

Алексей ДУШУГИН

РАЗГОВОР С ИСТОРИКОМ О СХОДСТВЕ И РАЗЛИЧИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СТАТЕЙ УК РФ И СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ

«В СССР ПЕРЕВОСПИТЫВАЛИ, СОЗДАВАЛИ ВИДИМОСТЬ ЕДИНОМЫСЛИЯ, А В РОССИИ

СРАЗУ НАКАЗЫВАЮТ»

соцсети

Никита Петров

— По официальным данным, сегодня число осужденных по «политическим статьям» превысило число советских политзаключенных времен Брежнева и Хрущева. С 2018 по 2023 год по этим статьям в суды поступили дела в отношении 5613 человек.

— В принципе, это цифра сравнима с брежневскими и хрущевскими временами за какой-нибудь пятилетний период. Можно вспомнить, что в 1956–1960 годах приговорено за антисоветскую пропаганду без малого 5 тысяч человек. При Брежневе цифры поскромнее: например, в 1971–1975 годах — 893 человека. Во времена Брежнева речь шла уже о двух статьях Уголовного кодекса — 70 («антисоветская агитация») и 190.1 («клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй»). А помимо этого, в вышеприведенную статистику не включены данные о наказании по другим политическим статьям например, по статье о «посягательстве на права граждан под видом исполнения религиозных обрядов».

— А что это за статья? 227-я статья УК РСФСР?

— Да, она самая. В советское время очень многих верующих судили не по 70-й или 190.1, а по статьям, которые предусматривали наказание за нарушение закона «об отделении церкви от государства», то есть за обучение детей в частных условиях, религиозным образом и так далее. Это статья 142 («нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви»), между прочим. Давали по ней до трех лет при повторном осуждении. Можно еще вспомнить и статьи уголовного кодекса, также «подведомственные» КГБ, — 74 («нарушение национального и расового равноправия»), 79 («массовые беспорядки»).

— А это в какие годы было?
— Это во все годы было. С крамолы и религиозными настроениями советская власть не уставала бороться. Хотя при Сталине все было гораздо проще. Каждый год речь шла о многих тысячах людей, которые были

арестованы, осуждены по статье 58-10. («контрреволюционная агитация и пропаганда»). И там, собственно, никто не беспокоился о том, насколько законным выглядит подобное осуждение. Чаще всего выносили решение во внесудебном порядке — на Особом совещании при НКВД (после войны — МГБ). Внесудебно — значит, заочно. То есть люди, принимавшие решение, даже в глаза не видели обвиняемого. И никакой публичности. Вот, пожалуй, только в 1950 году за «антисоветскую деятельность» арестовано 57 599 человек, а в следующем 1951 году — 45 665.

— А в хрущевско-брежневские времена?

— В хрущевское, брежневское время, если мы говорим о статистике, по «антисоветским статьям» за двадцать с небольшим лет — с 1956 по 1987 год — было приговорено 8152 человека. Это в совокупности по статьям 70 и 190.1 (появившейся в 1966 году).

— Сейчас часто сравнивают вот эти советские репрессивные статьи — 190.1, 70 — с теми статьями УК РФ, которые были приняты совсем недавно: «дискредитация армии», «фейки». Похожи ли они?

— Здесь сходство в главном: людей наказывают за их образ мыслей и за высказывание своих убеждений. Но раньше формулировки статей, конечно же, были другие. Вот если мы возьмем, например, статью 70 УК РСФСР и посмотрим, что там написано: «...агитация или пропаганда, проводимая в целях подрыва или

ослабления советской власти, либо для совершения отдельных особо опасных государственных преступлений, в целях подрыва советского строя, распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно и распространение, либо изготовление, либо хранение в тех же целях в письменной, печатной или в иной форме произведений такого же содержания». Ну и срок, естественно — от шести месяцев до семи лет. И вторая часть статьи — там еще большие сроки за повторное деяние и при условиях использования денежных средств, полученных из-за рубежа.

Но в 70 статье важно, что обязательно должна доказываться «цель подрыва или ослабления советской власти». Вот если мы возьмем практику применения этой статьи в советское время, то ни в одном деле на диссидентов доказательств умысла на «ославление или подрыв советской власти» не было. То есть эта статья в том виде, в каком она была тогда сформулирована, могла применяться только при очень тщательной доказанности именно цели, с которой человек занимается агитацией и пропагандой. И потом агитация и пропаганда — это все-таки не просто устное высказывание.

Достаточно вспомнить, собственно, как судили по этой статье изготовителей и авторов «Хроники текущих событий». Это правозащитный бюллетень, который выходил с целью информирования о том, как нарушаются права человека в Советском Союзе. Почему же тогда к ним применяли эту статью? А очень просто. В данном случае власть исходила из того, что они пишут неправду. А поэтому, соответственно, здесь же есть: «клеветнические измышления, порочащие советский государственный строй». Значит, соответственно, они должны отвечать по этой статье. При этом

абсолютно не доказывался ни умысел, ни тем более не доказывалось, что они написали неправду. То есть заведомо ложные измышления. Как будто бы они знали, что пишут неправду, но тем не менее продолжали писать ее в бюллетене «Хроника текущих событий». Но это не так.

Другая статья, которую придумали в 1966 году по той простой причине, что статья 70 («антисоветская агитация и пропаганда») все-таки была довольно серьезной и входила в особенную часть Уголовного кодекса, а значит, это государственное преступление. А статья 190.1 УК РСФСР была сформулирована по-другому: «Систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно изготовление или распространение в письменной, печатной или иной форме произведений такого же содержания». По этой статье, конечно же, привлекался к ответственности более широкий круг людей. Но тем не менее, опять же, и здесь были сплошные нарушения, потому что, во-первых, речь шла о систематическом распространении, то есть здесь нужно было, чтобы человек не просто один раз где-то или пару раз высказался. Это должна была быть система. Допустим, человек постоянно утверждает нечто. Но есть же заведомо ложные измышления, то есть он должен ложь распространять. И он должен знать, что он говорит неправду, и тем не менее продолжать ее говорить.

А сведения, порочащие советский государственный и общественный строй, — это то, что, собственно, перекликается с сегодняшними статьями. Статьи, которые в той же степени, как и те статьи, которые я сейчас цитировал, 70 и 190.1, советского времени и аналогичные нынешние статьи, карающие за высказывания, в принципе находятся в вопиющем противоречии с Конституцией, гарантирующей гражданам свободу слова. И, во всяком случае, когда мы говорим об этих двух советских статьях, нужно было четко доказывать «заведомость» этих измышлений и их клеветнический характер. Но в советских судах никто, конечно, не доказывал подобного.

Я хорошо знаю такие примеры, когда, допустим, кто-то говорил, что «в СССР нет выборов». Разумеется, власть расценивала подобные высказывания как «заведомо ложные и клеветнические измышления». Ведь говорящий знает, что с периодичностью как минимум в 2,5 года проводятся выборы в местные советы, а еще раз в четыре-пять лет — и в Верховный Совет СССР, и республик. Власть таким высказыванием возмущена и говорит: «ты клеветничаешь». И когда он говорил: «Ну какие же это выборы, когда в бюллетене всего один кандидат?» Но на это никто не обращал внимания. Но ведь он был прав, говоря, что в СССР нет выборов, а ему за это давали срок.

Что произошло потом? Когда был принят «закон о реабилитации жертв политических репрессий», там в статье 5 было четко указано, что все, кто осужден по статье 70 и 190.1, 142 и 227, безусловно, подпадают под реабилитацию. То есть их правота была признана на законодательном уровне Российской Федерации. Причем этот урок должен был быть выучен. Но мы видим, собственно говоря, что он не был выучен.

— А есть так называемая статья УК РФ о фейках — 207.3. В ней тоже речь идет о клеветнических измышлениях относительно вооруженных сил. И это преступление должно быть совершено с умыслом. Разве она не похожа на советские репрессивные статьи, о которых ты говорил?

— Да, безусловно. Речь идет уже о публичном распространении заведомо ложной информации об использовании вооруженных сил, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий и так далее. Но здесь про-

сто-напросто нужно доказывать, что эта информация была заведомо ложной. Представим себе, что человек повторяет нечто, вычитанное им в другом источнике информации. И искренне в это верит. И он уже не подлежит ответственности по этой статье. И поэтому, когда мы говорим об этой статье, она содержит квалификацию общественного распространения именно заведомо ложной информации.

Какова должна быть практика ее применения? Безусловно, в каждом конкретном случае нужно доказывать «заведомость» этих действий со стороны того, кто распространяет информацию. Нужно точно доказать, что он не заблуждался добросовестно. Ведь каждый человек вправе добросовестно заблуждаться, повторять какую-то информацию, но при этом в нее искренне верить. И тогда, если следовать букве закона, человек по логике этой статьи, не подлежит ответственности. Но мы же прекрасно понимаем, что практика применения законов такова, что часто люди страдают именно по факту распространения, без учета, насколько они верили в то, что они сами распространяют.

— Ну да, это похоже на то, что было в Советском Союзе с распространени-

Я НЕ ЗНАЮ, КАКИЕ НУЖНЫ МЕРЫ, ЧТОБЫ ПРИВЕСТИ ВСЕ В СОВЕТСКОЕ СОСТОЯНИЕ. ЛЮДИ ПРИВЫКЛИ К СВОБОДЕ. И КАК ИХ ОТ ЭТОЙ СВОБОДЫ ТЕПЕРЬ ОТУЧИШЬ?

ем тоже вот этих «заведомо ложных клеветнических измышлений».

— Во-первых, по своей квалификации похоже, а во-вторых, практика применения может оказаться похожей, если суды не будут, собственно говоря, вникать в то, была ли «заведомость». Ну, я не знаю, как это происходит сегодня. По крайней мере, советская власть не утруждала себя доказательством «заведомости».

— Сегодняшние суды тоже не утруждают. Но разница тут еще есть в том, что все-таки по 70-й статье санкции были — 7 лет лагеря и 5 лет ссылки, а сейчас сроки по «фейкам» — до 10 лет колонии. Можно ли говорить, что это ближе к сталинскому времени, чем, например, к брежневскому?

— Сама по себе жесткость применения подобных норм... она, конечно, не соответствует ни хрущевскому, ни брежневскому времени. Только по той простой причине, что с 1959 года, когда год от года уменьшалось количество дел, возбужденных по признакам «антисоветской агитации и пропаганды», была принята такая мера, как профилактика. То есть люди, допустившие политически незрелые или «вредные» с точки зрения власти высказывания, но единичные или не вставшие на какой-то организационный путь распространения своих взглядов, они, безусловно, не привлекались к уголовной ответственности. А с ними сначала офицеры КГБ вели «отеческие беседы»: воспитывали, грозили, пугали. Объясняли, чем чревато продолжение подобной деятельности. Если мы видим, что по статьям «антисоветская агитация и пропаганда» в брежневское время судили не так уж много, то счет профилированных органами КГБ шел на многие тысячи — каждый год от 15 до 20 тысяч человек. То есть вот это и есть, собственно говоря, та самая шкала, по которой мы измеряем степень «политической несознательности» граждан в той степени, в какой они вызывали интерес органов КГБ на предмет их предупрежде-

ния и перевоспитания. Конечно, профилактика, в принципе, носила характер психологического террора.

— По данным издания «Агентство»*, с 1967 по 1970 год было профилировано 120 000 человек. Журналисты сравнивают это с тем, как сейчас людей задерживают по административным статьям. С 2017 по 2023 год в суды поступило 105 000 административных дел. Можно ли считать административное задержание и осуждение по этим статьям аналогом вот этого профилирования?

— В принципе, если мы признаем, что цели и в случае профилирования органами КГБ, и цели нынешних органов, которые занимаются административным наказанием, одни и те же, тогда мы не увидим разницы. Хотя разница, с моей точки зрения, есть, потому что цель советской власти была создать видимость единомыслия в стране и достичь этого единомыслия. А сегодня мы видим, что это сразу же наказание. То есть не перевоспитание, а наказание.

Потому что, в конце концов, советское общество было достаточно запуганным, и не было нужды сразу же карать лобо-

го, кто допускал «политически незрелые мысли». Еще и Хрущев говорил, что если человек просто от недопонимания ругает советскую власть, то, в общем, нет оснований сразу же сажать его в тюрьму. Надо его предупредить, оказать воспитательное воздействие, а это и есть та самая основа профилактики. Но когда уже после 1991 года мы имели свободное общество со свободным выражением взглядов, мы видели, как в 1990-е шли массовые демонстрации, митинги, и толпы народа иногда скандировали: «Банду Ельцина под суд!» — и ничего им за это не было. Это была страна, где существовала свобода политического высказывания.

Я не знаю, какие нужны меры, чтобы привести все в советское состояние.

— Мы знаем, что в сталинское время выдвигались совершенно безумные обвинения, которые потом становились приговорами. Например, тот же известный «тоннель в Бомбей».

— Это литературная метафора. Когда же мы говорим о сталинских обвинениях, надо сразу сказать, что большинство людей, которые получили эти абсурдные обвинения, были убиты, расстреляны, а потом они были реабилитированы. К сожалению, многие посмертно. Ну это же понятно, что эти абсолютно выдуманные и абсурдные обвинения могли подерживаться властью и пропагандироваться властью в газетах только, во-первых, в условиях монополии на печатное слово, которое существовало в Союзе, а во-вторых, в условиях общего, общенародного психоза, когда населению внушали то, что кругом одни шпионы. Действительно, многие люди верили в эти совершенно абсурдные вещи. Достаточно вспомнить процесс «Правотроцкистского блока» в марте 1938 года, когда подсудимых обвиняли в том, что они убили, залечили до смерти пролетарского писателя Максима Горького и других видных деятелей,

*Власти считают «иноагентом».

а еще и вредили, подсыпая битое стекло в продукты питания, ну и тому подобная чушь. Это был абсолютный абсурд. Умные люди в это не могли поверить и не верили. Но это появлялось в печати, это говорилось по радио, и многие люди, увы, верили.

— Мы почти каждый день видим новые обвинения, мы видим, что приговоры действительно становятся более суровыми, чем они были в советское время по отношению к инакомыслящим. То есть ощущение, что это уже не брежневские и не хрущевские приговоры, а это решения, скроенные по лекалам сталинского времени. Почему идет такое ужесточение? Как будет дальше развиваться ситуация, в какую сторону?

— Добиться такого единомыслия, которое было в Советском Союзе, невозможно. И поэтому мне довольно трудно предсказывать, будут ли власти пытаться делать это с помощью драконовских законов, которые уже приняты и которые, может быть, еще и собираются принимать. Это первое. Второе: дело в том, что вообще формулировки законов должны быть вполне определенными и четкими. Не должно быть размытости и двусмысленности. А у нас, например, закон о госизмене сформулирован так, что любые деловые, да и неделовые контакты с иностранцами или иностранными структурами могут рассматриваться как госизмена. Это, конечно же, адресация именно к советскому времени. Вспомним, что Натан Щаранский сидел тоже по делу о шпионаже, хотя вся его деятельность заключалась в том, что он собирал списки «отказников», тех, кому не разрешали выехать из Советского Союза.

— Законодатели, которые придумали два года назад эти статьи Уголовного кодекса, обращались ли они к советскому законодательству, к этим репрессивным законам против инакомыслящих, или нет?

— Я не знаю. Такие законы, собственно говоря, можно написать, не обращая ни к каким предыдущим примерам, потому что они следуют из логики человека, который собирается что-то запрещать. То есть сама логика запретов, например, не позволяет людям открыто высказываться, она ведет к подобным законам. Но она, естественно, является, как я уже сказал, неконституционной. И я думаю, что рано или поздно все те, кто пострадал от этих законов, безусловно, будут реабилитированы. А сказать, как там дальше будет, кто знает. Очень трудно вообще говорить, к чему все может привести. Но установить подобными законами единомыслие, конечно же, не удастся.

— А почему в сталинское время было так легко это сделать? Потому что никто не сопротивлялся?

— Не потому, что никто не сопротивлялся, а потому, что в период с июля 1937 по ноябрь 1938-го расстреляли порядка 700 000 человек. Это прививка страхом действовала потом очень долго.

— Остается только надеяться, что история не повторяется с точностью, а повторяется как фарс.

— Ну, это красивая фраза, как повторяется история. История вообще не повторяется. Мы просто можем находить многое, напоминающее нам о прошлом. Но это совсем иное настоящее. И чаще всего оно приводит к другим результатам, нежели то, что было в прошлом.

— То есть можно надеяться, что невозможно будет в будущем за год расстрелять такое же количество людей, как расстреляли в 1937–1938 годах?

— Не знаю. Сложный вопрос. Можем только надеяться на это.

За последние два года перебои с лекарствами стали привычными. Врачи и больные жаловались на временный дефицит леводопы, детского нурофена, золофта, амоксицилина, тамоксифена, антиретровирусных препаратов, пульмозима, прозака, микардиса. Это только самые громкие случаи, о которых много писали в прессе и соцсетях. По подсчетам РБК и DSM Group, в 2023 году ассортимент импортных лекарств в российских аптеках сократился на 20 процентов по сравнению с 2020-м.

Министерство здравоохранения РФ отмечает, что «риск дефектуры может временно возникать по определенным формам или дозировкам, либо по конкретному торговому наименованию, а не по всему международному непатентованному наименованию (МНН) лекарственного препарата». По мнению ведомства, внезапно исчезнувшие лекарства можно заменить аналогами, «это не оказывает влияния на лечебный процесс».

Как заявила вице-премьер Татьяна Голикова, 62 процента всех потребляемых в стране препаратов производится в РФ. Согласно стратегии развития фармацевтической промышленности к 2030 году доля отечественных лекарств должна увеличиться до 70 процентов.

«Новая» спросила жителей Саратовской области: каких медикаментов не хватает сейчас?

«Отечественная смесь ребенку не подходит»

Алене Головановой шесть лет. Она почти не видит, не слышит, не может ходить и говорить. Все, что она знает об окружающем мире, — тепло мамы и вкус еды. Девочка не может жевать, поэтому пища для нее должна быть жидкой. Алене нравится, чтобы запах и вкус были нейтральными.

«Она привыкла жить в своем тихом мирке», — говорит мама Алены Лариса Губарева. Старшая ее дочь родилась совершенно здоровой. Вторая беременность протекала без особых сложностей. В день, когда Лариса должна была оформить декретный отпуск, у нее неожиданно отошли воды. Алена появилась на сроке 30 недель весом 1190 граммов.

«Каждый поход к врачу приносил новый диагноз. Гипоплазия мозолистого тела головного мозга, эпилепсия, ДЦП, глубокая умственная отсталость... У меня год ушел на осознание того, что происходит в моей жизни и почему так», — вспоминает Лариса.

Однажды она увидела в соцсетях группу волонтеров, собиравших вещи для малоимущих. Лариса предложила одежду, из которой выросли ее девочки. «Волонтеры приехали, увидели нашу ситуацию. Стали привозить памперсы, игрушки. Я поняла, что я не одна. Волонтеры стали для меня второй семьей». Теперь Губарева руководит проектом «Носочки для жизни»: мастерицы вяжут для недоношенных младенцев носки, шапочки, пледы и осьминогов. Это терапевтическая игрушка: малыш тянет за вязаные шупальца так же, как дети в утробе играют с пуповиной, успокаивается, меньше дергает зонды и катетеры. Волонтеры отправляют вязаные вещи в роддома и больницы Энгельса, Саратова, Москвы.

Благодаря волонтерам Алена прошла обследование в Национальном медицинском исследовательском центре здоровья детей Министерства здравоохранения РФ. Ей подобрали схему лечения эпилепсии — итальянский трилептал и французский депакин хроносфера. Приступы стали короче и реже. В нынешнем году вместо депакина девочке стали выдавать индийский энкорат-хроно. В инструкции к препарату сказано, что его не следует применять детям с массой тела до 20 килограммов. Алена в шесть лет весит 11 с половиной килограммов.

Эдуард ЛОМОВЦЕВ / ИТАР-ТАСС

ЛЮДИ

КАК ПОБОЧКА

ЧТО ПРОИСХОДИТ С ЛЕКАРСТВАМИ ОТ ДИАБЕТА, ОНКОЛОГИИ И ДРУГИХ ТЯЖЕЛЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ? ИХ НЕТ. ВЕРНЕЕ, ЕСТЬ, НО НЕ ТЕ

Два года назад благотворительный фонд «Евита» из Самарской области предложил Ларисе с Аленой участвовать в проекте нутритивной поддержки тяжелобольных детей. Для Алены организовали онлайн-консультацию диетолога, которая рекомендовала ребенку лечебное питание NutriDrink — высокобелковую смесь, произведенную в Нидерландах. Губаревой привезли несколько ящиков.

«Мы сразу ощутили разницу. Обычную еду Алена может есть только в протертом виде, с ложки. Но аппетита у нее нет. Ей трудно координировать так много действий сразу: открывать рот, глотать, дышать и не поперхнуться. Она возмущается и съедает очень мало. А готовую смесь из бутылочки она пьет с большей охотой. Всего в 100 граммах лечебного питания содержится 640 килокалорий, набор витаминов и минеральных веществ. Алена начала набирать вес, наладилась моторика ЖКТ», — рассказывает мама.

По подсчетам Всероссийского союза пациентов, в лечебном питании нуждаются больше полутора миллионов человек — пациенты с неврологическими и онкологическими заболеваниями, а также люди преклонного возраста. Как полагают специалисты Федерального научно-практического центра паллиативной медицинской помощи, на ле-

чебное питание для всех нуждающихся нужно до 11 миллиардов рублей в год. Госзакупки проводятся меньше, чем на 2 миллиарда. Причем разрыв в финансировании становится все больше, так как количество пациентов увеличивается, а цены растут. Больше 70 процентов рынка лечебного питания занимает импортная продукция.

В ноябре 2023 года вице-премьер Татьяна Голикова заявила о подготовке плана по увеличению производства отечественного лечебного питания. Над документом больше года работали три ведомства — Минпромторг, Минсельхоз и Минздрав. Запустить дополнительные мощности по выпуску аминокислот и гидролизатов белка предполагается в 2024–2026 годах.

Сведений о том, сколько россиян сейчас получают лечебное питание по ОМС, в открытом доступе нет. По закону взрослые пациенты должны покупать себе лечебное питание сами. Дети-инвалиды могут получить продукцию за счет федерального бюджета, если их заболевание входит в перечень 24 орфанных нозологий, а необходимая смесь включена в перечень, утвержденный правительством РФ. Сейчас в него входят 111 продуктов. Остальные дети с инвалидностью имеют право на нутритивную поддержку по ре-

шению врачебной комиссии. Но в законе не прописано, кто и за какие деньги обязан купить им питание. В Самарской, Челябинской, Сахалинской, Псковской и некоторых других областях есть региональные программы помощи детям, нуждающимся в лечебных смесях. Но многие родители вынуждены добиваться питания через суд.

По рекомендации «Евиты» Лариса Губарева собрала документы для врачебной комиссии, и та признала Алену нуждающейся в нутритивной поддержке. Власти Саратовской области обязались в 2023 году покупать ей смесь, подобранную диетологом, за счет регионального бюджета.

Как вспоминает Лариса, весь 2023 год NutriDrink выдавали «с большими перебоями» и совершенно не в том количестве, в каком рекомендовал диетолог. «Нам было прописано по 400 миллилитров смеси в сутки. В поликлинике мне сказали, что при передаче документов в областное министерство здравоохранения кто-то ошибся и вписал только 100 миллилитров в сутки, а исправить это нельзя». Недостающее количество питания Губарева покупала сама.

В декабре Лариса пробилась на прием в областное министерство здравоохранения. После этого смесь частично выдали, но не импортную, а российскую «Нутриэн

стандарт». «Сказали: или такое питание, или никакого. Отечественная смесь ребенку не подходит: начались запоры, Алена перестала прибавлять в весе. NutriniDrink подорожал с прошлогодних 300 до 450 рублей. В сутки нам нужно две бутылочки. Для нашей семьи это неподъемные суммы». Весь доход семьи с двумя детьми — 10 тысяч рублей пособия по уходу за ребенком-инвалидом, пенсия Алены по инвалидности и пенсия по потере кормильца (первый муж Ларисы умер).

Всего в 2022 году участниками проекта «Евить» по нутритивной поддержке стали 18 тяжелобольных детей из Саратовской области. Как признавалась исполнительный директор фонда Ольга Шелест,

ли самой девочке проводить жизнь в четырех стенах в хрущевке, чиновников не интересует.

Губарева писала главе Энгельсского района Дмитрию Плеханову и саратовскому губернатору Роману Бусаргину. Начальники — люди занятые, даже в объявленный президентом Год семьи вникать в проблемы матери с двумя детьми не стали. Ответил Ларисе областной министр сельского хозяйства (!) Роман Ковальский. Повторил, что заболевания Алены подпадают под закон о предоставлении жилья, но ставить на жилищный учет семью не будут, а если что-то не устраивает, пусть мама с больным ребенком идет в суд.

препараты занимали лишь 13,6 процента траты на госзакупки.

«Почти всех взрослых диабетиков в Саратовской области перевели на отечественный инсулин. Сил воевать просто нет. Чтобы доказать, что российский препарат тебе не подходит, нужно ложиться в стационар, фиксировать побочные эффекты. У работающих людей на это нет времени. Датский фиасп взрослым сейчас выдают только по решению врачебной комиссии и с выпиской из стационара», — говорит саратовчанка Лариса. Она живет с диабетом больше 20 лет.

Детей-инвалидов, получающих импортный хумалог, областной минздрав также пытается перевести на продукцию отечественной компании «Герофарм». «14-летней девочке из Красноармейска закупили российский ринлиз, хотя по заключению врачебной комиссии ей положен хумалог, девочка много лет его получала и имела прекрасную компенсацию диабета. Ринлиз не подошел: сахар не сбивался, начались жуткие головные боли. Мы вынудили поликлинику зафиксировать нежелательную реакцию организма. Минздрав пообещал обеспечить девочку хумалогом в течение двух недель. Время идет. Хумалог ребенку покупает мама», — рассказывает координатор по диабету регионального отделения Всероссийской организации родителей детей-инвалидов (ВОРДИ) Анна Приходько.

По закону детям-инвалидам должны бесплатно выдавать не только инсулин, но и все остальные лекарства. По словам Приходько, «чтобы выбить рецепт, например, на антибиотик, нужно дойти минимум до главврача поликлиники».

— Главный внештатный эндокринолог области Михаил Свиначев считает, что, если на ребенка платят пенсию по инвалидности, мама должна покупать ему все необходимое для лечения на эту пенсию. Чиновник, не стеснясь, говорит об этом в судах с семьями инвалидов, это зафиксировано в протоколах заседаний, — отмечает координатор.

Как рассказывает саратовская журналистка и мама ребенка с диабетом Анна Мухина (Минюст считает ее «иноагентом»), в последние месяцы обострились проблемы с тест-полосками. «Осенью рецепт на полоски не дали вообще. Тогда я не стала жаловаться, у меня был запас. Сейчас рецепт выписали, но не отоварили, поставили на отсроченное обслуживание. У меня осталось полосок на три недели, потом придется покупать. Коробка стоит около 1000 рублей».

С января вступили в силу новые клинические рекомендации, согласно которым детям, пользующимся системой непрерывного мониторинга глюкозы, положено «не меньше двух тест-полосок в сутки». «Минздрав тут же сократил количество полосок ровно до двух. Хотя стандарты оказания медпомощи при диабете не менялись. Там по-прежнему написано: 4,5 тест-полоски в сутки», — говорит Анна Приходько.

С осени продолжаются перебои с расходными материалами для инсулиновых помп. «Знаю маму с двумя дочками, которым в ноябре не выдали канюли. Они устали биться с поликлиникой, пошли на

прием к министру здравоохранения. Из коридора министерства последний раз позвонили главному врачу поликлиники, та повторила, что расходных материалов нет. Как только мама переступила порог кабинета министра, ей сообщили, что набор расходников ждет ее в поликлинике. Но в следующем месяце ей опять ничего не дали! — говорит диабетик с 20-летним стажем Лариса. — Я сама с начала года получаю меньше канюль, чем нужно, — только на 20 дней в месяц. Последний раз прямо разревелась в аптеке. Сказала: никуда не уйду, пока не выдадите!»

«Главное чувство — до тебя никому нет дела»

В середине декабря 56-летний житель Саратова Дмитрий пришел к хирургу в участковую поликлинику, пожаловался на боль в колене. «Вам нужно показаться онкологу», — сказал врач. Прежде чем получить направление в областной онкодиспансер, нужно сдать анализы по огромному списку из двух десятков позиций. Дольше всего готовятся результаты исследования крови на ВИЧ и гепатит — 10 рабочих дней. В коммерческой лаборатории на другой стороне улицы тот же самый анализ будет готов на следующий день, но за 1500 рублей.

Направление в диспансер Дмитрию выдали в конце декабря. Он хотел записаться на ближайшее время. Ему ответили: «Приходите после праздников».

«Пациентов намного больше, чем система может переварить. В день приема диспансер пропускает через себя больше 500 человек. Главное чувство — до тебя никому нет дела», — рассказывает Дмитрий. Ему сделали трепанобиопсию. «Вкололи лидокаин. Перед кабинетом стоит очередь, никто не будет ждать, пока подействует обезболивание. Я, во всяком случае, никакого обезболивающего эффекта не ощутил. Мне воткнули в ногу шприц с толстой иглой до самой кости. Хорошо, что медсестра держала мне ноги, потому что я заорал матом и непроизвольно попытался пнуть врача».

Результаты иммуногистохимии готовятся 10 дней. Потом пришлось еще подождать записи на прием к онкологу. В конце января дежурный доктор заявила Дмитрию: «Вы не наш пациент. Гистохимия показала, что опухоль не злокачественная».

Дима не поверил в благополучный исход. К тому моменту он уже похудел на 10 килограммов и чувствовал странную усталость. Мужчина взял отпуск (он работает водителем) и поехал в Московский научно-исследовательский онкологический институт имени Герцена. Пересмотр стёкол для получения «второго мнения» не входит в ОМС, стоит 4 тысячи рублей. В конце февраля консилиум в Москве объявил диагноз: хондросаркома. Опухоль оказалась слишком большой для операции. Дмитрию рекомендовали паллиативную химиотерапию по месту жительства.

«Как так: 24 января в Саратове мне говорят, что я почти здоровый человек, а 20 февраля в Москве оказывается, что у меня четвертая стадия рака с метастазами? Что это за диагностика?» — недоумевает Дмитрий.

Он вернулся в Саратов. Свободной записи в онкодиспансер не было, велели ждать еще неделю. «Но я не могу ждать. Это ежедневная боль, болит все. Без таблеток я спать не могу, жить не могу. Вот я и пошел к врачу без талона, внаглую. К счастью, доктор сжалилась, взяла мои документы. На консилиуме мне честно сказали: смотреть мы тебя не будем, просто перепишем московскую выписку. Написали: прогноз сомнительный».

Окончание материала
Надежды АНДРЕЕВОЙ —
СТРАНИЦЫ 16-17 →

ПОЧТИ ВСЕХ ВЗРОСЛЫХ ДИАБЕТИКОВ В САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ ПЕРЕВЕЛИ НА ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ИНСУЛИН. СИЛ ВОЕВАТЬ ПРОСТО НЕТ. ЧТОБЫ ДОКАЗАТЬ, ЧТО РОССИЙСКИЙ ПРЕПАРАТ ТЕБЕ НЕ ПОДХОДИТ, НУЖНО ЛОЖИТЬСЯ В СТАЦИОНАР, ФИКСИРОВАТЬ ПОБОЧНЫЕ ЭФФЕКТЫ. У РАБОТАЮЩИХ ЛЮДЕЙ НА ЭТО НЕТ ВРЕМЕНИ

разговор с саратовскими чиновниками оказался самым трудным за годы ее работы с минздравами разных регионов. На 2023 год дети все-таки получили лечебное питание за счет областного бюджета. Сейчас большинство семей, как и Лариса Губарева, жалуются на перебои с поставками или замену импортной продукции на российские аналоги.

«И не вспомню, когда мы с дочкой гуляли»

Кроме отсутствия необходимого питания, у семьи Ларисы проблема с жильем. Женщина с двумя детьми живет в однокомнатной квартире площадью 35,5 кв. метра на пятом этаже хрущевки. Таскать по лестнице Алену и инвалидную коляску, которая весит больше, чем ребенок, Лариса не может. «Когда мы в последний раз гуляли, я и не вспомню. Алена бывает на улице только в экстренных случаях, когда нужно ехать в больницу сдавать анализы».

Продать квартиру и купить что-то попросторнее и на первом этаже — план фантастический. Одношка в поселке Приволжский Энгельсского района, да еще с несовершеннолетними собственниками — малопривлекательный объект недвижимости. Ипотеку безработной женщине не потянуть.

Лариса могла бы встать в муниципальную очередь на жилье, так как на каждого члена ее семьи приходится меньше 13,5 кв. метров жилплощади (это учетная норма для Энгельсского района). Вот только очередь эта движется со скоростью тектонических плит.

По областному закону гражданам, страдающим тяжелой формой хронических заболеваний, жилье выдается вне очереди. Диагнозы Алены попадают в утвержденный региональным правительством перечень. Но, как сообщили Ларисе в саратовском министерстве ЖКХ, этот закон применяется только в случае, если в одной квартире с пациентом прописано несколько семей. Никакой другой семьи, которой совместное проживание с больной девочкой причиняло бы неудобства, в квартире Ларисы нет. Удобно

«Тест-полосок осталось на три недели»

В прошлом году в России начался новый федеральный проект «Борьба с сахарным диабетом». По подсчетам НИИЦ эндокринологии, в России диабетом больны 5,3 миллиона человек, в том числе — 58 тысяч детей. Каждый год диагноз получают около 240 тысяч человек. На проект в 2023–2025 годах в федеральном бюджете предусмотрено 30 миллиардов рублей. Основные средства пойдут на оборудование для эндокринологических центров, повышение квалификации медиков, создание школ диабета для пациентов и закупку систем непрерывного мониторинга глюкозы. Два года назад специалисты Центра экспертизы и контроля качества медицинской помощи Минздрава говорили, что подобная программа потребует 238,8 миллиарда рублей в год.

По словам министра здравоохранения РФ Михаила Мурашко, на лекарства для диабетиков из федерального и региональных бюджетов выделяется ежегодно по 60 миллиардов рублей. «На рынке государственных закупок в этом году уже 70 процентов — это отечественные препараты и отечественная промышленность», — подчеркнул министр. Примечательно, что в 2021 году, по подсчетам аналитической компании Headway, российские сахароснижающие

«КАК ТАК: 24 ЯНВАРЯ В САРАТОВЕ МНЕ ГОВОРЯТ, ЧТО Я ПОЧТИ ЗДОРОВЫЙ ЧЕЛОВЕК, А 20 ФЕВРАЛЯ В МОСКВЕ ОКАЗЫВАЕТСЯ, ЧТО У МЕНЯ ЧЕТВЕРТАЯ СТАДИЯ РАКА С МЕТАСТАЗАМИ? ЧТО ЭТО ЗА ДИАГНОСТИКА?» — НЕДОУМЕВАЕТ ДМИТРИЙ

← СТРАНИЦЫ 14-15

Дима приготовился к химии. Купил, как он говорит, «прикольную шапочку». Но на капельницу пока попасть не может: сделанный в участковой поликлинике анализ на ковид оказался положительным, хотя Дмитрий не ощущает никаких симптомов. «Получается, что с момента первого обращения к врачу прошло три месяца. Все это время я сидел в очередях, оформлял бумажки, но так и не приступил к лечению».

«Если человек с онкологией одинок, он обречен»

«Главная проблема онкомедицины: государство может сделать тебе бесплатно почти всё, но послезавтра. А тебе, чтобы выжить, нужно сегодня, даже вчера. Никто не учитывает, что времени у тебя уже нет», — говорит саратовский журналист Алексей Голицын.

Алексей рассказывает, что всю жизнь аккуратно посещал профилактические осмотры. Год назад обследовался на онкомаркеры. «Не было ни малейших намеков на проблемы со здоровьем. В начале декабря я заболел, как мне казалось, гриппом. Меня положили в областную инфекционную больницу. Постепенно я заподозрил нехорошее. 80-летние деды из соседней палаты уже курить бегают, а мне не становится лучше. Врачи отмахивались: что же вы хотите, это пневмония. Обычно онкологическим больным говорят: вот если бы вы вовремя обратились, мы бы сразу всё нашли. Но у меня не могли распознать опухоль, хотя я из больниц не вылезал».

Через две недели в стационаре медики предположили, что у Алексея туберкулез. Сделать анализы перед новогодними праздниками оказалось невозможно. «В государственном тубдиспансере сказали, что у них закончились диаскин-тесты, будут после 15 января. Мы обратились в частные клиники. В детских диаскин-тесты есть, но они не могут обслуживать взрослых. А взрослые отправляют в государственный диспансер», — рассказывает Ольга Брынза, жена Алексея.

КТ с контрастом (его тоже пришлось делать платно, так как в государственных больницах была очередь) показало новообразование в легких. Для взятия биопсии провели операцию в областной больнице.

«Самому пациенту не говорят результатов. Наверное, врачи не умеют или не очень-то хотят сообщать такие новости. Ты лежишь и ждешь. Ночью — в ужасе. Днем выйдешь в коридор — развеешься. А ночью опять лежишь и прокручиваешь в голове все варианты. И все твои родственники прокручивают. И все друзья. Мне кажется, было бы легче, если бы диагноз объявляли как можно раньше», — говорит Алексей.

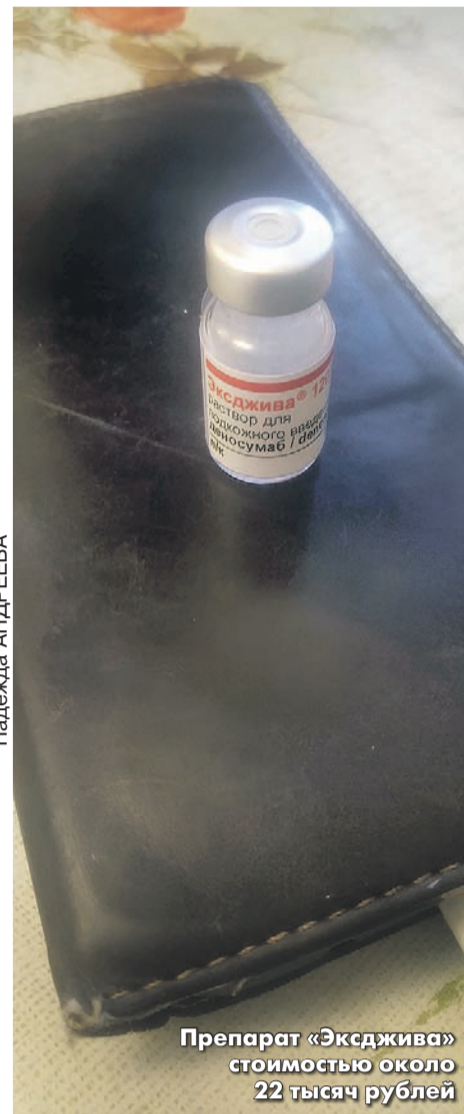
«Только когда я сама подошла к врачу и прямо задала вопрос, он сказал: да, там рак», — вспоминает Ольга.

«Рак — это то, с чем человек не сможет справиться в одиночку. У тебя все время подавленное состояние. Кажется, что ты неимоверно устал, но не можешь

Из семейного архива

Алексей Голицын с женой Ольгой

Надежда АНДРЕЕВА

Препарат «Эксджива» стоимостью около 22 тысяч рублей

ЛЮДИ КАК ПОБОЧКА

выспаться. Голова не работает, как при гриппе. А ты должен проходить квест: бегать из кабинета в кабинет, оформлять бумажки, отвечать на вопросы. Если человек с онкологией одинок, он обречен», — говорит Алексей.

Как объясняет Ольга, после объявления диагноза семья оказалась в «другом мире»: «Ты не понимаешь, как что здесь функционирует. Как попасть в лучшую больницу? Какие анализы сдавать? Правильные ли назначения сделали? Нет информации, нет навигации. Никто не ответит на твои вопросы, кроме тех, кто уже прошел через это».

Супруги сознательно рассказали о диагнозе всем друзьям и знакомым. «Появились какие-то ниточки. Мы поняли, что не хотим лечиться в Саратове. Больше всего помогла моя подруга. Она сама заболела несколько лет назад. Судилась с саратовским минздравом за

препарат, но в итоге поняла, что проще переехать в Москву. Она посоветовала обратиться в онкоцентр имени Блохина», — говорит Ольга.

Для лечения в федеральном центре нужно получить специальное направление из участковой поликлиники. «Здесь нас пожурили: что это вы за наши саратовские деньги решили лечиться в Москве? Оказалось, это главная проблема — деньги уходят из региона. А то, что человеку нужна помощь, — кому это интересно?» — рассказывает Ольга.

«Станция метро «Каширская». Онкоцентр — отдельный город с огромными расстояниями, которые с моим диагнозом тяжело преодолевать. Указателей нет, а ты не знаешь, что кабинет № 232 относится к поликлинике, а номер 327 — к корпусу, который называют «башней». В итоге оказывается, что ты полдня просидел не в той очереди. Очереди здесь гигантские. И страшные не только из-за своей длины. Передо мной в очереди развернули пару из Саратова. Жена привезла мужа с раком легкого. Они потратили последние деньги на самолет. Но оказалось, что у мужчины низкий гемоглобин, химию ему делать не стали. А ведь это единственная надежда у людей, они уже были в шаге от нужного кабинета», — рассказывает Алексей.

Ольга отмечает, что в зданиях онкоцентра на каждом этаже есть туалеты, кулеры, работает столовая. «Это вовсе не бытовуха, это очень важно. Человек с утра приходит сдавать анализы натощак, у него низкое давление, в таком состоянии дойти до магазина за пределами больницы очень трудно». Есть и мелкий бизнес: по этажам ходят предприимчивые ребята, предла-

гающие пациентам и их родственникам места в хостеле.

Голицыну назначили современную полиохиомотерапию. Между курсами он живет в Саратове. Из-за метастазов ему нужны сильные обезболивающие. «Прихожу в поликлинику. Мой терапевт в отпуске. Онколог в отпуске. Иду к дежурному врачу. Она отказывается выписывать рецепт, говорит: ждите своего врача, она же выйдет из отпуска. А я не могу ждать, такую боль не вытерпишь! Дежурная идет к заведующей. У той висит программа. И так три дня. Чтобы получить рецепт на обезболивающий пластырь, пришлось сказать, что я журналист и сейчас позвоню в Минздрав».

Для укрепления костей, пораженных метастазами, Алексею нужен препарат эксджива производства биотехнологической компании Amgen. Получить его бесплатно по ОМС нельзя. В Саратове он не продается. В онлайн-аптеках одна ампула стоит больше 22 тысяч рублей.

Голицын признается, что думал о сборе средств на лечение, но решил использовать этот способ только как крайнюю меру. Спрашиваю, какую поддержку от окружающих хотел бы получать человек с онкологическим диагнозом?

— Скажу сразу, чего точно не надо: самое страшное — преждевременные похороны, — говорит Алексей.

«Не стоит спрашивать каждый день, какой результат показал тот или иной анализ. Гораздо важнее напоминать человеку: жизнь продолжается, — объясняет Ольга. — Одни наши прекрасные друзья приехали к нам со своим мангалом, пожарили шашлык прямо во дворе, чтобы

«**КАК ПОПАСТЬ В ЛУЧШУЮ БОЛЬНИЦУ? КАКИЕ АНАЛИЗЫ СДАВАТЬ? ПРАВИЛЬНЫЕ ЛИ НАЗНАЧЕНИЯ СДЕЛАЛИ? НЕТ ИНФОРМАЦИИ, НЕТ НАВИГАЦИИ. НИКТО НЕ ОТВЕТИТ НА ТВОИ ВОПРОСЫ, КРОМЕ ТЕХ, КТО УЖЕ ПРОШЕЛ ЧЕРЕЗ ЭТО**»

С РОССИЙСКОГО РЫНКА УХОДЯТ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ ДОРОГИЕ ОРИГИНАЛЬНЫЕ ПРЕПАРАТЫ, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫЕ ДЛЯ ЛЕЧЕНИЯ ТЯЖЕЛЫХ ПАТОЛОГИЙ. ЕСЛИ ЗАЯВКИ НА УЧАСТИЕ В АУКЦИОНЕ ПОДАЮТ ТРИ КОМПАНИИ, А ДВЕ ИЗ НИХ ПРЕДЛАГАЮТ ЛЕКАРСТВА, ВЫПУЩЕННЫЕ В РОССИИ, ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПОСТАВЩИКА ИНОСТРАННЫХ ПРЕПАРАТОВ АВТОМАТИЧЕСКИ ОТВЕРГАЕТСЯ

Алексей ЗОТОВ / ТАСС

Леше не пришлось далеко ходить. Другие зовут в гости, чтобы обсудить планы на лето. Третьи звонят: Леша, у нас намечается интересный проект, ты с нами?»

Как говорит Алексей, администраторы здравоохранения должны помнить, что «онкопациент не в силах преодолевать дантовы круги»: «С таким заболеванием почти невозможно попасть в кабинет ЭКГ на третьем этаже здания без лифта. Почему я должен искать по всей поликлинике свою карточку, которую потеряла регистратура? Почему поликлиника работает до 17.00, а гардероб — только до 14.00? Это детали, которые характеризуют состояние системы. Я теперь могу оценить любое медучреждение буквально с порога: если в фойе нет бесплатных бахил, с большой долей вероятности можно предположить, что здесь к пациенту относятся по принципу «чем скорее помрешь, тем нам будет лучше».

Россия для грустных

В 2023 году россияне купили 17 миллионов упаковок антидепрессантов на 10 миллиардов рублей. Как сообщает «Фармвестник» со ссылкой на сведения аналитической компании AlphaRM, это максимальный показатель за 10 лет. По подсчетам издания, с 2014 года рынок антидепрессантов вырос в 6 раз в денежном выражении и в 3,5 раза — в натуральном. Быстрее всего продажи росли в 2022 году — сразу на 37 и 24 процента соответственно.

По оценке РАНХиГС, проводившей социологический мониторинг самочувствия населения, 46,8 процента респондентов признались, что испытывают «уме-

ренную тревогу», 13,2 процента считают свою тревожность сильной. Как полагают эксперты Агентства стратегических инициатив, почти 15 миллионов жителей России находятся в состоянии глубокой депрессии. Это около 10 процентов населения страны. Общемировой показатель, по подсчетам ВОЗ, значительно ниже: в целом депрессией страдает 3,8 процента населения планеты.

Сейчас, как сообщает «Фармвестник», в российских аптеках продаются 60 брендов антидепрессантов. Шестимесячный курс обходится, в среднем, в 14–16 тысяч рублей.

«Работающие таблетки стоят конских денег. Я три года принимаю велаксин. За это время он подорожал на треть. Сейчас упаковка стоит больше трех тысяч рублей, — говорит саратовчанка Анна. — Велаксин производят в Венгрии. С венграми мы вроде дружим, перебоев почти не бывает. За последние два года пару раз пропала моя дозировка. Я временно перешла на отечественный венлафаксин. Его действия не хватает на целые сутки, и мир начинает шататься. В таком состоянии опасно переходить дорогу, нельзя садиться за руль».

Жительница Саратова Вероника начала принимать антидепрессанты полгода назад. Ей назначили прозак. «Я купила две пачки, и в сентябре 2023-го этот препарат неожиданно пропал», — рассказывает девушка. Производитель прозака американская компания Elli Lilly еще весной 2022 года объявила об уходе из России, но не спешила с реальными действиями. За 2022-й продажи прозака в России, по оценке DSM Group, выросли на 63 про-

цента. В 2023-м Elli Lilly передала права на поставки своих препаратов в Россию швейцарскому дистрибьютору Swixx Biopharma. Как полагают эксперты, осенний дефицит прозака был вызван техническими проблемами при переформлении документов и перестройке логистики.

Вероника перешла на золофт. «Врач предупредила меня, что за последние годы он пропадал из продажи несколько раз. Сейчас нельзя просто зайти в аптеку и купить пачку, нужно оформить заказ и ждать один-два дня. Хорошо, что мне выписали рецепт на год, можно запастись препаратом», — говорит Вероника. О дефиците золофта аптечные сети заявляли в самом начале и в октябре 2022 года. Производитель Viatrix (США) объяснял, что поставки в Россию временно приостановлены из-за проблем на производстве. В июне 2023-го компания уведомила Росздравнадзор о возобновлении продаж.

клав, аугментин и панклав, а также все тот же нурофен в форме сиропа.

Как объяснил «Ведомостям» генеральный директор «Биннофарм групп» Рустем Муратов, себестоимость производства детских лекарств велика, так как разработка и клинические исследования таких препаратов требуют соблюдения повышенных требований к безопасности. Перевозка сиропов и суппозиторий дороже, чем таблеток. При этом розничная цена на детские препараты невысока. То есть, как заключает издание, производство таких лекарств невыгодно фармкомпаниям, и этот сектор первым страдает при любом кризисе.

В феврале нынешнего года профессиональное сообщество «Врачи РФ» снова провело опрос на тему дефектурных препаратов. Почти 80 процентов участников ответили, что замечают перебои с лекарствами. 52 процента испытывают нехватку медицинской техники и расходных материалов.

64 процента врачей считают, что причиной проблем стали зарубежные санкции. На самом деле большинство крупных зарубежных производителей приостановили клинические испытания в России, но не прекращали поставку лекарств. Импортные препараты исчезают из-за особенностей отечественного законодательства.

Как считает гендиректор DSM Group Сергей Шуляк, с российского рынка уходят в первую очередь дорогие оригинальные препараты, предназначенные для лечения тяжелых патологий. Из госзакупок их выдавливает правило «третий лишний»: если заявки на участие в аукционе подают три компании, а две из них предлагают лекарства, выпущенные в России, предложение поставщика иностранных препаратов автоматически отвергается. В аптеках спрос на такие лекарства невелик. Производителю выгоднее вообще отказаться от поставок в Россию.

Отметим, что в 2023 году госзакупки лекарств значительно сократились. По подсчетам аналитической компании Headway Company (ее специалисты оценивают суммы заключенных контрактов), сокращение составило 7 процентов. По наблюдениям DSM Group (ее эксперты принимают в расчет фактические поставки по контрактам), — 23 процента. Особенно сильно это затронуло региональные тендеры: в натуральном выражении падение составило 34,5 процента. Эксперты, опрошенные РБК, не исключают, что лекарственные бюджеты могли быть перераспределены на нужды армии, но такие тендеры не публикуются.

Еще одна причина исчезновения лекарств — государственное регулирование цен на препараты из перечня жизненно важных. В него входит почти половина зарегистрированных в стране лекарств. Повысить их стоимость можно только раз в год, но не более чем на уровень прогнозируемой инфляции.

Это ограничение затрагивает не только зарубежных, но и российских производителей. По подсчетам Ассоциации российских фармпроизводителей, только за 2022 год себестоимость производства лекарств в России, в среднем, выросла на 16 процентов. Выпуск некоторых наименований становится нерентабельным. По сведениям DSM Group, за прошлый год ассортимент российских лекарств сократился на 5 процентов, это около 600 наименований лекарств.

Кроме того, как напомнил гендиректор Ассоциации российских фармпроизводителей Виктор Дмитриев, с 2022 года увеличились налоговые пошлины за внесение изменений в регистрационное досье препарата. Вносить такие изменения пришлось чаще, так как отечественные производители были вынуждены искать замену производственным компонентам, объявленным товарами двойного назначения.

Минздрав РФ считает, что внезапно исчезающие импортные препараты можно без проблем заменить аналогами с тем же действующим веществом. «Пусть Минздрав на себе экспериментирует. В прошлом году я уже пытался заменить немецкую лирику российским прегабалином. Разница оказалась колоссальной, как будто это два разных препарата. Вместо стабилизации настроения — туман в голове», — рассказывает Матвей. По его словам, нехватка препаратов ощущается постоянно: «В декабре лирика была только в одной аптеке в городе, причем оставалась единственная упаковка. В феврале я не смог найти хурватский антипсихотик арипризол. Купил испанский ралотекс, который фасуют в России».

Стране не до пилюлек

Напомним, что проблемы с лекарствами проявились в первый месяц СВО. В марте 2022 года российские врачи заявили, что столкнулись с дефицитом более чем 80 препаратов. Участники опроса, проведенного профессиональным сообществом «Врачи РФ», отметили проблемы с гастроэнтерологическими и противоэпилептическими препаратами, а также антидепрессантами. По наблюдениям респондентов, перебои возникли даже с обыкновенным детским нурофеном.

По итогам 2022-го 99 процентов провизоров и фармацевтов, участвовавших в опросе платформы Smartpharma, рассказали, что сталкивались с временным дефицитом лекарств. Чаще всего аптечные работники называли антибиотики амокси-

18+. НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМИ АГЕНТАМИ БОРУХОВИЧ (ТУМАКОВОЙ) ИРИНОЙ ГРИГОРЬЕВНОЙ И КРУТИХИНЫМ МИХАИЛОМ ИВАНОВИЧЕМ ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННЫХ АГЕНТОВ БОРУХОВИЧ (ТУМАКОВОЙ) ИРИНЫ ГРИГОРЬЕВНЫ И КРУТИХИНА МИХАИЛА ИВАНОВИЧА.

Кирилл КУХМАРЬ / ТАСС

«ДЕНЬГИ ОЧЕНЬ НУЖНЫ»

ПОЧЕМУ «ГАЗПРОМ» ТЕРЯЕТ АКТИВЫ, ПРАВИТЕЛЬСТВО РФ ЗАПРЕЩАЕТ ЭКСПОРТ БЕНЗИНА, А «СЕРЫЙ» ТАНКЕРНЫЙ ФЛОТ СОКРАЩАЕТСЯ, ОБЪЯСНЯЕТ АНАЛИТИК МИХАИЛ КРУТИХИН*

С начала года нефтегазовые компании в России получили несколько ударов с разных сторон. В том числе — от собственного правительства, которое, опасаясь дефицита топлива и роста цен на заправках, наложило запрет на экспорт бензина. Вдобавок США ввели новые санкции, затронувшие «серый» танкерный флот, и принуждают банки дружественных стран отказывать российским компаниям в проводке платежей. Нефтеперерабатывающие заводы подвергаются атакам украинских дронов снаружи и страдают от аварий изнутри. Откуда берутся напасти и к чему они приведут?

— **Что означает заявление «Газпрома» о том, что он уходит из проектов в Северном море?**

— Деньги очень нужны. «Газпром» продает активы по стартовой цене 344 миллиона долларов, потому что испытывает большую нужду в деньгах. Он вынужден даже занимать денег на какие-то проекты в Фонде национального благосостояния. У компании государство отобрало большую часть прибыли, еще с прошлого года сверх того, что полагается по налогам, она платит еще 50 миллиардов рублей в месяц. Стране нужны деньги для финансирования [специальной операции], тащат деньги у нефтяных компаний, тащат

у «Газпрома». У компании просто нет денег, поэтому она продает активы — «дочки», занимавшиеся добычей в Северном море. Вы же помните — «надо продать что-нибудь ненужное»?

— **Эти проекты в Северном море стали действительно ненужными? Или совсем с горя продают?**

— Это проекты не самые крупные — доли в нефтяных и газовых проектах, совместных с консорциумами различных компаний. Раньше они давали «Газпрому» возможность говорить, что его газ поставляется в Великобританию. Британские острова не получали из России ни одной

молекулы газа, а гордиться этими поставками хотелось, поэтому во все документы «Газпрома» вписывалось: поставки газа в Великобританию, довольно большие числа. Частично цифры объяснялись тем, что у «Газпрома» есть доля в проектах, из которых газ в Великобританию шел. Это во-первых.

Во-вторых, газпромовские «дочки» перекупали газ у других газодобывающих компаний и перепродавали его в Великобританию. Плюс еще приписывали себе сжиженный природный газ, который поставляли другие компании. И со статистикой у них все было прекрасно. К микроскопическим объемам, которые «Газпром» добывал как долевой участник, еще и приписывали чужое. Теперь от этого приходится отказываться, потому что деньги очень нужны.

— **И с чем остается «Газпром»?**

— С резким сокращением добычи в стране, с потерей европейского рынка...

— **Это в пассиве. А в активе что осталось?**

— Продолжается добыча газа, они снабжают газом российских потребителей. Строят, прокладывают какие-то трубы,

планируют завод построить. И вообще много чего планируют.

Если говорить о расширении экспорта, то газопровод «Сила Сибири» выходит на проектную мощность в 38 миллиардов кубометров газа только в 2025 году. Организованы новые поставки газа в две центральноазиатские страны — Казахстан и Узбекистан, потому что там газа не хватает. Они обещали китайцам много газа, а потратили его на проекты внутри страны, для экспорта у них ничего не осталось, поэтому им приходится договариваться с «Газпромом». Но там немного, около 20 миллиардов кубометров в год.

С потерянными европейским рынком все это не сравнить. Раньше на Запад продавалось 155 миллиардов кубометров в год. «Газпром» оттуда ушел, в 2023 году было уже 27 миллиардов кубометров. В этом году ожидалось 23 миллиарда, а в следующем, возможно, еще меньше, если прекратится транзит через Украину.

— **На что «Газпрому» нужны деньги? Если все сворачивается и закрывается, какие у него могут быть вложения?**

— Деньги нужны на [специальную операцию].

— **То есть деньги нужны не «Газпрому» на какие-то новые проекты, они нужны Российской Федерации? Поэтому надо продавать активы?**

— Конечно. В прошлом году у «Газпрома» отобрали, если не ошибаюсь, триллион с четвертью сверх всех налогов, которые причитались по Налоговому кодексу. Теперь он платит дополнительно 50 миллиардов каждый месяц налога. У него ничего не остается, его даже приходится финансировать государству. Вдумайтесь: компания из «национального достояния» превратилась в паразита, она

Экономика должна быть

высасывает деньги из кубышки, которая была организована для национального благосостояния.

— Во многих проектах «Газпрома» существенную часть доходов получала не сама компания и не Российская Федерация, а группа заинтересованных физлиц со счетами в Швейцарии через зарегистрированные там же посреднические фирмы.

— Это всегда так. Вспомните, как в «Газпроме» любили ругать Украину: дескать, смотрите, что там творится, какая коррупция. Помните, был такой Фирташ? Его обвиняли: покупает газ и спекулирует. При этом как-то забывали, что в совместном предприятии, которое этим занималось, 50% принадлежало самому «Газпрому», остальные 50% — Фирташу и его приятелю.

В точности такими же были и другие «дочки» «Газпрома» за границей. Некое совместное предприятие получало газ по дешевке, перепродавало дороже, половину прибыли с перепродажи получали менеджеры «Газпрома», отвечавшие за это. И схемы, в которых участвовали газпромовские «дочки», работают до сих пор.

Есть такое российско-казахстанское предприятие — «Казрогаз». Оно получает газ для Оренбургского газоперерабатывающего комбината с севера Казахстана, иначе предприятие не могло бы работать. Дальше часть этого газа используется внутри России, а часть отправляется на экспорт. Предприятие межгосударственное, и на экспорт газ идет без уплаты вывозной таможенной пошлины, а это 30%. «Газпром» продает его своим «дочкам». В Болгарии, например, три компании — «Овергаз», «Газпром Германия» и «Газпром Швайц», получали этот газ по дешевке, потом перепродавали «Булгаргазу», а прибыль, конечно, в Россию не возвращалась.

— Компании, которые «Газпром» продает сейчас, работали по такому же принципу?

— Сейчас «Газпром» продает свои компании, которые создавались для того, чтобы стать партнерами в международных консорциумах на шельфе. Они скважины не бурили, платформы не строили, а входили в предприятия только деньгами и получали за это какие-то прибыли от международных проектов. Теперь с ними приходится расставаться.

— У «Газпрома» есть проекты, связанные со сжиженным природным газом (СПГ). Что с ними происходит сейчас?

— Таких проектов у «Газпрома» три. Первый — «Сахалин-2». Его запускали Shell и японские партнеры, а потом уже «Газпром» влез туда, заставив их под нажимом продать контрольный пакет. Там все продолжается, остаются старые клиенты, среди которых есть Китай и Япония. Все было сделано так прочно, на века, что работать сможет еще долго.

Второй проект на Балтике — совсем маленький, чуть больше миллиона тонн СПГ в год, газ оправляют в Калининград, недавно были первые поставки.

Третий проект хотят запустить в Усть-Луге. Это завод, который планирует получать 13 миллионов тонн сжиженного газа в год, плюс предприятие по газохимии. Проект изначально коммерчески неудачный: Усть-Луга мелководная, сжиженный природный газ надо вывозить оттуда на очень маленьких судах, а потом где-то в Атлантике перегружать на более крупные, это дорогостоящие операции. Но надо куда-то девать газ, поступающий с Ямальского полуострова по гигантскому газотранспортному коридору. Коридор был построен за огромные деньги и рассчитан на «Северные потоки», а их, как вы знаете, больше нет, так что этот проект затевали от безысходности.

— В последнее время в Усть-Луге еще случаются совершенно непредвиденные неприятности из-за вражеских дронов.

— И это тоже, конечно.

— Почему «Газпром» соглашается работать в убыток? Я понимаю, что это не к вам вопрос, но не могу его не задать.

— «Газпром» сам ничего не решает. Совет директоров — это резиновый штамп, который утверждает решения правления. А правление получает непосредственные приказы через Алексея Миллера из Кремля. Кремль приказывает: прекратить закачку газа в европейские подземные хранилища, прекратить реализацию газа на электронных площадках, потребовать оплату в рублях, поссориться с компаниями, которые прокачивают российский газ, например, с оператором польского участка трассы Ямал — Европа. Перекрыть Финляндию, снизить прокачку по Северному потоку, закрыть один из маршрутов через Украину... Это все указания не коммерческие.

— Но в компании-то не дураки работают, они не могут не понимать, к чему это приведет.

— Когда разрабатывался проект «Сила Сибири», в анализе так и было сказано: проект не коммерческий, он не окупится никогда. Затевая его, «Газпром» теряет

ВДУМАЙТЕСЬ: КОМПАНИЯ ИЗ «НАЦИОНАЛЬНОГО ДОСТОЯНИЯ» ПРЕВРАТИЛАСЬ В ПАРАЗИТА, ОНА ВЫСАСЫВАЕТ ДЕНЬГИ ИЗ КУБЫШКИ, КОТОРАЯ БЫЛА ОРГАНИЗОВАНА ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНОГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ

не только на гигантской инфраструктуре, но даже на операционных издержках. Стоимость добычи газа, транспортировки, подготовки к экспорту на перерабатывающем заводе в Амурской области, отправки в Китай — все эти издержки не покрываются ценой. То есть Россия субсидирует китайских потребителей газа. Разве так работает коммерческая компания?

Когда-то мой коллега Михаил Корчемкин сравнил строительство газопроводов одинаковой длины в одинаковых условиях в разных странах. В России в среднем километр обходится в три раза дороже. Это воровство, это коррупция.

— Выгоден ли был «Газпрому» с коммерческой точки зрения транзит через Украину?

— Конечно. Сейчас на этом маршруте самый крупный потребитель газа — Австрия. Были моменты, когда газ там был на 98% российский, а в среднем Австрия 60–66% газа получает из России. И по-другому «Газпрому» туда газ не переправить, в Германии все пути закрыты, поэтому теперь только через Украину. Другие клиенты — Словакия, частично Италия, Молдова. То есть в Европе остались потребители, готовые платить, и газ им идет через Украину. После окончания транзитного соглашения в конце 2024 года «Газпром» теряет и этот рынок, потому что Украина не хочет продлевать контракт.

— А что будут делать Австрия, Италия, Словакия, Молдова? Им есть где взять газ?

— Они ищут альтернативные источники. В принципе, такие источники есть, газ можно покупать у торговцев внутри Европы и реверсировать. Газ там достаточно, цены упали беспрецедентно. Вероятно, это будет все-таки дороже, чем у «Газпрома», но за

свободу надо платить. И страны, сидящие на «Турецком потоке», включая Венгрию и Сербию, тоже ищут альтернативные источники. Если в конце года украинский маршрут будет перекрыт, то эти страны справятся. С проблемами, да, но справятся. Поэтому Европа не боится прекращения транзита через Украину.

Таким образом, у нас три заинтересованные в украинском маршруте стороны: «Газпром», Украина и Европа. Европейские потребители, как я уже сказал, не боятся, хотя им придется потратиться, придется что-то по-новому организовать, цены в перечисленных странах поднимутся. Но в 2021 году они видели в Европе кризис, спровоцированный «Газпромом», а теперь никакого кризиса нет, все произойдет спокойно.

— Но Украина лишается доходов от транзита, к тому же от объемов газа зависит работа всей ее газотранспортной системы.

— Я не теряю связи с украинскими коллегами, и они просчитали: работоспособность их газотранспортной системы сохраняется даже при отсутствии газпромовского транзита, она сможет работать на то, чтобы обеспечивать газом внутренних потребителей.

— Третья сторона, заинтересованная в украинском маршруте, — Россия. Как в России отнесутся к прекращению транзита?

— Недавно я прочел у одного российского аналитика: необходимо обратиться к Соединенным Штатам, чтобы те нажали на Украину и заставили ее сесть за стол переговоров с «Газпромом». Появляются публикации с обвинениями Украины в том, что она не хочет этого делать. Общее настроение газпромовских ребят по этому поводу я расцениваю как паническое.

— Почему? Пока были живы «Северные потоки», Украину как раз пугали закрытием транзита как совершенно ненужного.

— Россия сама ушла с этого рынка. Но «заморозить Европу» не получилось, и теперь последствия приходится расхлебывать. В 2023 году Европа сократила потребление газа на 18% за счет экономии, энергосбережения, перехода на другие источники и так далее. Там сэкономили 101 миллиард кубометров газа, то есть практически обошлись без «Газпрома». Дальше Еврокомиссия хочет сократить потребление газа еще на 15% путем поощрения индивидуальных решений в каждой из стран. На Россию, на переговоры с «Газпромом» в Европе уже не рассчитывают.

— Может ли в ближайшем будущем так же поступить Китай?

— В Китае ждут, что в 2025 году «Сила Сибири» выйдет на проектную мощность. Но есть расчеты газпромовских аналитиков, что эти месторождения — Чайянда, Ковыкта — не смогут поддерживать оговоренные объемы поставок на протяжении 30 лет. Я спросил китайских коллег, что они будут делать в таком случае. Они ответили: мы получим штрафные с «Газпрома» за неисполнение контракта. И до сих пор китайцы не дали согласия на «Силу Сибири — 2». И даже если ее начнут строить, для выхода на проектную мощность потребуются 12–15 лет.

— На внутреннем российском рынке газа станет больше, мы будем платить за газ меньше, правда?

— В идеале это так и должно быть, «Газпром» объявил, что будет направлять излишки на газификацию в стране. Но дело в том, что из года в год он проваливал все программы газификации. Посмотрите, как идут его большие газопроводы. Новый газотранспортный коридор с Бованенковского месторождения на Ямальском полуострове идет через Коми, через Архангельскую область, Ненецкий автономный округ, дальше до Торжка, оттуда к Балтике. Вдоль него никто никакой газификации не проводит. Республика Коми не газифицирована. По Забайкалью проходит труба в Китай, но вокруг никто ничего не газифицирует.

— Время не приходило. Теперь как раз пришло.

— Не думаю. Расходы на газификацию российских населенных пунктов очень большие.

— Но там все равно ведь газ нужен?

— Там остались деревни на три старушки. Кто потянет к ним трубу? У «Газпрома» была программа малотоннажного СПГ: на компрессорной станции ставится небольшое предприятие, где сжимается газ, оттуда цистернами газ довозят до пунктов регазификации в городах и поселках. На этот счет есть японский опыт, китайский опыт, в России он очень ограниченный, хотя такие предприятия тоже есть. Но «Газпром» не хотел заниматься такими программами. На мой циничный взгляд, там слишком маленькая дельта для «распила».

«ДЕНЬГИ ОЧЕНЬ НУЖНЫ!»

Юрий СМИТКОК / ТАСС

— Экономисты говорят, что в эти тяжкие времена «Газпром» спасается за счет своего нефтяного подразделения, благодаря экспорту нефти и нефтепродуктов.

— «Газпром нефть» — это очень эффективная компания, у нее хорошие месторождения, хорошие специалисты по разработке. Только она, хоть формально и входит в группу компаний «Газпром», фактически управляется отдельно. Алексей Миллер там не распоряжается, это нефтяная компания, где все решает Александр Дюков.

— Теперь в России наложен запрет на экспорт бензина. Как это скажется на отрасли в целом, на нефтяных компаниях, а как — на внутреннем рынке?

— Это удар по всем российским нефтяным компаниям, особенно по тем, у которых есть перерабатывающие предприятия в Европейской части страны. Именно оттуда бензин экспортируется, там его нехватка больше всего и ощущается.

Перебои с бензином возникли из-за украинских ударов по нефтеперерабатывающим заводам. Особенно после удара по нижегородскому предприятию «Лукойла». Там попали именно в установку, занимающуюся выработкой высокооктанового бензина. Возникло опасение, что бензина может не хватить на экспорт, и выросли цены. У меня есть данные по Московскому НПЗ: на экспорт оптовая цена на его 92-й бензин будет 44 тысячи рублей за тонну, а на внутреннем рынке за ту же тонну — 29 тысяч рублей. Поэтому в правительстве решили, что компании будут стремиться выпихнуть бензин за границу, а в стране начнется дефицит, и экспорт запретили.

— То есть запрет на экспорт бензина — из-за украинских дронов?

— Нападение украинских дронов на НПЗ — это первое звено в цепочке.

— Дроны действительно нанесли такой серьезный урон? Или это превентивная мера?

— Действительно возникли перебои с высокооктановым бензином, потому что на предприятии «Лукойла» была повреждена серьезная установка. Чтобы полностью восстановить ее, может понадобиться год. Так что это, во-первых, действительно удар по выработке бензина.

Во-вторых, это мера психологического воздействия на торговцев за границей, на тех, кто привык покупать бензин в России. Они поняли, что может случиться дефицит, и повысили цены.

— Почему такой урон? Наверняка же эти НПЗ строили по еще советским ГОСТам, они должны выдержать чуть ли не ядерный удар.

КОМПАНИЙ, ЗАВЯЗАННЫХ В ЦЕПОЧКЕ, ДЕСЯТКИ. ПРОТИВ НИХ САНКЦИЙ НИКТО НЕ ВВОДИТ. ПРИБЫЛЬ СПЕКУЛЯНТОВ ФОРМИРУЕТСЯ ЗА ПРЕДЕЛАМИ РОССИИ И ТАМ ОСТАЕТСЯ, ОНА НЕ ПОПОЛНЯЕТ РОССИЙСКИЙ БЮДЖЕТ

— Вы представляете себе НПЗ? На открытом пространстве торчат ректификационные колонны. Они могут вырастать до уровня 13-этажного дома. В этой колонне нефть разделяется на основные фракции, получаются бензин, керосин, прямогонный бензин — нефтя, вплоть до битума. Эти продукты идут на дальнейшую переработку. Такая колонна у какого-то завода может быть одна, у других заводов их по три, по четыре. Выход такой колонны из строя снижает производительность

завода в зависимости от того, сколько колонн. Было две — упадет на 50%, если повредить одну.

— Кроме атак дронов, есть еще один фактор: на этих заводах стали происходить аварии. Это-то почему?

— Аварии случаются потому, что оборудование заводов долго не обновлялось. На некоторых заводах программа модернизации срывалась несколько раз — например, у «Роснефти» в Самаре. Оборудование надо обслуживать, а тут без импорта не обойтись. Устаревшее оборудование, недостаток инвестиций в ремонт и модернизацию, а плюс к этому — затруднения с импортом.

валюты на закупку импорта для ремонта. Будет ли в стране вообще хватать бензина? На чем мы будем ездить?

— Пока нефти для России хватает. Но здесь возникает другая проблема: неизвестно, как и когда будет кончаться эта нефть. Недавно Госкомиссия по запасам проводила научно-практическую конференцию. Сейчас у нас информация по добыче засекречена, но на конференции приводили данные по запасам, вовлеченным в работу. Выяснилось, что государственные данные об объемах российских запасов расходятся с действительностью.

— Как это?

— Часть запасов невозможно извлечь чисто технологически, не говоря уже о рентабельности. Росстат говорит, что средняя себестоимость нефти сегодня в России — 47–50 долларов за баррель. Она растет, рано или поздно она достигнет такого предела, что продать нефть с выгодой уже нельзя будет даже внутри России. Я спрашиваю у чиновников Минфина, не буду их называть: а что входит в себестоимость? Они называют три компонента: капитальные вложения в проект, операционные издержки, транспортировка.

— А налоги? А зарплаты?

— В себестоимость не входят ни налоги, ни так называемые административно-маркетинговые расходы компаний, а они в российских условиях большие, численность персонала на единицу продукции в российской нефтяной компании в 6–10 раз выше, чем в аналогичной западной. Раздуты не только административные штаты. Поскольку производительность труда низкая, раздуты и штаты рабочих.

Не включен в себестоимость и так называемый коррупционный налог, попросту — откаты. Так что себестоимость российской нефти очень и очень высока. Если нефть продается по 60 долларов за баррель, нефтяникам остается не так уж много. А кто будет работать себе в убыток?

— Итого: одни НПЗ страдают от аварий, другим угрожают дроны, экспортировать бензин нельзя, меньше

справка «НОВОЙ»

ПРОИСШЕСТВИЯ НА РОССИЙСКИХ НПЗ С НАЧАЛА 2024 ГОДА

Поэтому российские нефтяные компании практически не начинают новых проектов по добыче. За год было начато всего два проекта, и то небольших. Два — на всю страну. Один в Каспийском регионе, другой в Оренбургской области. А нефтяной проект — вещь долгоиграющая: чтобы с начала инвестиций выйти уже на прибыль, требуется от 7 до 15 лет. А в России никто не знает, какая в следующем месяце будет налоговая обстановка. Нет стабильности налоговой, я уж не говорю о политической. Вкладывать деньги в проект, который принесет отдачу через 7–10 лет, никто не будет.

— **Зачем тогда сдерживать цены на бензин? Пусть бы и дорожал себе, «люди — новая нефть»?**

— Не надо волновать людей. В Приморье года два назад уже были выступления, когда цены на бензин сильно выросли. Пришлось перебрасывать туда отряды росгвардейцев. Цены на бензин — очень чувствительный фактор на российском рынке.

— **Тогда зачем их заставляют расти, повышая акцизы на топливо? Могли бы не запрещать экспорт, а снизить налоги нефтяникам.**

— А это два важных фактора действий российской власти: жадность и глупость.

— **Может ли жадность победить после 17 марта? Могут ли с 18 марта экспорт бензина разрешить?**

— Запрет на экспорт будет действовать три месяца. Но цены на бензин начнут расти в любом случае, потому что Фонд национального благосостояния, точнее — та его часть, которая не под арестом на Западе, а остается в распоряжении Минфина, каждый месяц теряет примерно 4 миллиарда долларов. Надолго его хватит? И цены на бензин будут расти, и рубль будет падать, и новые налоги появятся.

— **Аналитики говорят так: из-за новых санкций США российский «серый» танкерный флот станет «еще более серым». Это как?**

— Сейчас около 65% российской нефти, которая доставляется морем, перевозят эти самые «серые» танкеры, они не подчиняются санкциям. Это большая доля. Считается, что всего таких танкеров 1400.

— **Я читала — 700.**

— Есть разные оценки: и 440, и 700, и 1400. Их никто сосчитать не может. Последний пакет американских санк-

ций затрагивает около 50 судов. В частности, транспорт российской компании «Совкомфлот». Но эти санкции никак не влияют на приток денег в российский бюджет. Все эти танкеры — цепочка посредников.

— **Которым и достаются все деньги?**

— Именно так: им достается дельта между продажной ценой российской нефти и той ценой, по которой нефть в конечном итоге попала на индийский НПЗ. Вся эта разница попадает в карманы посредников. Компаний, завязанных в цепочке, десятки. Против них санкций никто не вводит. Прибыль спекулянтов формируется за пределами России и там остается, она не пополняет российский бюджет.

— **Европейские брокеры прогнозируют, что из-за санкций больше российских операторов снова начнет экспортировать нефть европейскими судами, которые подчиняются санкциям. Это правда?**

— Я вам уже сказал, что 65% возит «серыми». Остальные 35% застрахованы компаниями, принадлежащими к Лондонскому клубу страхователей, эти суда отчитались, что вся загруженная нефть идет по цене ниже потолка. Но предсказать, как может меняться это соотношение, я не могу. Пока мои знакомые, работающие в посреднических компаниях, рассказывают, что живут как сыр в масле и никакие деньги в Россию не возвращают. Теперь Запад вводит вторичные санкции, в основном — против банков, которые обслуживают такие сделки. И трудно сказать, во что это выльется дальше, но банки в Китае, Индии, Турции начали отказываться проводить платежи за российскую нефть.

И вот еще что... У Байдена это не получилось, он не сумел наладить отношения США со странами Персидского залива. Сумел это сделать в свое время Трамп. Если восстановится взаимопонимание между американской администрацией и арабскими странами залива, они могут предпринять какие-то согласованные действия. Вот там есть запасы, которые могут заменить российскую нефть, уходящую с рынка. Это будет серьезный удар по российскому бюджету. Но это пока из области предположений.

Ирина ТУМАКОВА*

* *Внесена министром РФ в реестр «ино-агентов».*

В России череда аварий и пожаров на НПЗ. Причины — износ оборудования, отсутствие комплектующих для плановых ремонтов и атаки БПЛА. Все это, по мнению экспертов, серьезно сказывается на объемах переработки нефти. Только в январе, согласно открытым официальным источникам, показатель снизился на 4% в годовом выражении.

КРАСНОДАРСКИЙ КРАЙ

Ночью 25 января загорелся нефтеперерабатывающий завод «РН-Туапсинский НПЗ». Первые сообщения о пожаре появились в социальных сетях после полуночи. Уже в час ночи глава Туапсинского района Сергей Бойко написал в своем телеграм-канале: «Горит вакуумная установка на территории нефтеперерабатывающего завода... В 4:53 оперативный штаб региона сообщил о ликвидации возгорания. В тушении пожара участвовали 99 человек и 31 единица техники.

Ночью 9 февраля пожар произошел на Ильинском НПЗ в Краснодарском крае. Об этом сообщило ТАСС со ссылкой на региональное управление МЧС России. Возгорание удалось ликвидировать быстро, пострадавших нет, сообщили в оперативном штабе. Минобороны России, в свою очередь, сообщило о ликвидации двух БПЛА в небе над Краснодарским краем.

На территорию Афицкого НПЗ также упали обломки беспилотника, но возгорания не произошло. Об этом сообщила «Лента.Ру».

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

31 января нечто упало на территорию нефтеперерабатывающего завода «Невский мазут» в Невском районе Санкт-Петербурга. Как сообщил «Ъ», звуки взрывов слышали жители города, а также Кировского и Всеволожского районов Ленобласти. Губернатор Беглов назвал произошедшее «громким хлопком» и «инцидентом». Минобороны в тот день о работе ПВО в регионе не отчитывалось.

БРЯНСКАЯ ОБЛАСТЬ

В 6 утра 19 января дрон был уничтожен в небе над Брянской областью, о чем отчиталось Минобороны. Как сообщил в своем телеграм-канале губернатор региона Александр Богомаз: «При уничтожении воздушной цели произошел сброс боеприпаса на территорию Клинцовской нефтебазы. По предварительной информации, пострадавших нет. Имеется возгорание резервуаров в обваловании». Нефтебаза горела два дня — к двум часам ночи 21 января ее потушили.

ВОЛГОГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ

В ночь на 3 февраля обломки дрона упали на НПЗ «Лукойла» в Волгограде. Министерство обороны отчиталось об уничтожении двух БПЛА. Региональное управление МЧС сообщило о происшествии в районе пяти утра. Стало известно, что возгорание возникло на площади около 300 кв. м и было ликвидировано к восьми утра. Погибших и пострадавших нет. Из-за возникшего пожара часть производственного цикла была остановлена для устранения последствий, как сообщил «Ъ» со ссылкой на источники.

НИЖЕГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ

В Кстовской промзоне Нижегородской области 12 марта был атакован объект топливно-энергетического комплекса, горела одна из установок по переработке нефти. Как написал у себя в телеграме губернатор региона Глеб Никитин: «Сейчас на месте работают спецслужбы, задействованы все необходимые силы и средства для локализации возгорания на одной из установок по переработке нефти. По предварительным данным, пострадавших нет. Работает оперативный штаб». Нефтебаза принадлежит компании «Лукойл-Нижегороднефтеоргсинтез». Позднее компания «Лукойл» сообщила, что работу технологической установки «ЛУКОЙЛ-Нижегороднефтеоргсинтез» на нефтеперерабатывающем заводе (НПЗ) в Кстово Нижегородской области временно приостановили «в связи с инцидентом».

ОРЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

12 марта был атакован объект топливно-энергетического комплекса в Орле, сообщил губернатор Андрей Клычков. «На месте работают специальные службы в целях локализации возгорания», — написал он в своем телеграм-канале. По информации РИА «Новости», загорелся резервуар с нефтепродуктами: «После падения первого БПЛА на нефтебазе в 02:11 мск возник пожар на площади 100 квадратных метров».

РЯЗАНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Ночью 13 марта на рязанском нефтеперерабатывающем заводе начался пожар после атаки беспилотника. Как сообщил губернатор области Павел Малков, пострадали два человека. РИА «Новости» со ссылкой на экстренные службы рассказало о возгорании двух емкостей для переработки сырой нефти. Площадь пожара составила 175 кв. м. В 11 утра Малков сообщил, что пожар потушен.

РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Новошахтинский НПЗ Ростовской области был вынужден временно приостановить работу в результате аварийной ситуации, связанной с атакой беспилотников. Возобновил работу в тот же день.

Подготовил **Макар СИТКИН**

Сотрудники МЧС России во время ликвидации пожара на Клинцовской нефтебазе

Кадр из видео МЧС России / ТАСС

ТРИ ВОКЗАЛА

Фото автора

РАЗНИЦА МЕЖДУ БЕЗДОМНЫМИ И ВСЕМИ ДРУГИМИ ЛЮДЬМИ ЛИШЬ В ТОМ, ЧТО МЫ ЖИВЕМ ДОМА, А ОНИ — НА УЛИЦЕ

Этот текст написан по просьбе благотворительной организации «Ночлежка», которая помогает бездомным выбраться с улицы. Нынешней особенно морозной зимой на улицах Москвы снова погибло много бездомных людей. «Ночлежка» считает важным рассказать, как трудно выжить на улице, когда на этой самой улице минус двадцать. Я провел на площади Трех вокзалов три дня: ел бесплатную похлебку, ночевал на скамейке, много часов разговаривал с бездомными об их опыте и сейчас расскажу их истории.

Фото автора

Уборщик на Ленинградском вокзале

Вообще распознать бездомного в толпе бывает непросто. Далеко не все одеты в лохмотья: на моих собеседниках — хорошие зимние куртки. Бездомного выдает ворох сумок: им негде хранить свои вещи, и они таскают их за собой. Но вообще на вокзале много народу с сумками, так что я не раз подходил к случайным пассажирам и ошарашивал их вопросом: «Извините, а вы тут живете?» Однако, сойдясь с бездомным человеком поближе, все же обращаешь внимание на детали: грязные ногти, изгазанные ботинки.

Моются и стирают вещи они в той же «Ночлежке», а чистят зубы и бреются в туалете. Говоря с человеком наедине, почти не замечаешь запаха — вонь чувствуешь ночью, в зале ожидания, когда в одном помещении скапливается много людей.

Почти у всех там есть телефоны, у многих — смартфоны. Кто работает курьером, кто сортировщиком, кто массажистом, кто-то живет на пенсию, кое-кто обходится вовсе без денег. Быть бездомным — не значит все время жить на вокзале: многие при первой же возможности перебираются в hostel. Многие обедают в вокзальных кафе.

Мои собеседники — не репрезентативная выборка. Во-первых, они все говорят по-русски. На любом вокзале много мигрантов, и «русские» стараются держаться от них подальше: боятся, что обворуют. Так или иначе, это два разных мира.

Во-вторых, почти все они — трезвенники: кто-то не пьет из принципа, кто-то просто не любит. Я не выбирал этих людей нарочно, но непьющие держатся друг друга, и я попал именно в такую среду.

У половины героев этого текста есть высшее образование. Они без конца ругают власть. Слушают музыку и смотрят сериалы по телефону. Кто-то ходит на выставки в «Гараж», кто-то читает в углу

Мопассана. Но в основном они просто чего-то ждут. С одним из них случился прекрасный разговор:

— Как проходит ваш день?

— Если мне делать нечего, я немножко занят чем-то. А так мы сидим. Ждем кормушки очередной.

— Ну чем заполнено это ожидание?

— Ничем. Пустота.

Я не ставлю под сомнение их истории, но и не предлагаю верить каждому слову. Я не стал включать в текст откровенные небылицы, но в остальном привожу их рассказы как есть.

Не раз слышал фразы вроде: «Не надо со мной разговаривать, я не обычный бомж. Пойди вон лучше с Витей поговори». Каждый считает свою историю нетипичной. И каждый, конечно, прав.

Вера

В конце декабря прошлого года бездомная пенсионерка Наталья стояла в очереди за горячим супом у Белорусского вокзала. В тот раз волонтеры раздавали конфеты и предлагали пришедшим помянуть тех бездомных, кто погиб, не дожив до Нового года. Наталья взглянула на лист с именами и нашла там знакомое. «Это что, наша Вера?» — не могла поверить Наталья.

— Это вообще шок, — говорит она спустя время.

Вера жила на улице несколько лет. Ночевала на вокзалах и в хостелах. Собирала милостыню у церкви. За время жизни на улице она перенесла три инсульта и с трудом говорила. Ходила на пустырь за Ярославский вокзал, где каждый день раздают еду разные благотворительные организации. Я прихожу туда, чтобы спросить о Вере людей, которые ее знали.

«Она всем выделялась. Ела то, что давали, никогда не кричала, маленькая такая, аккуратенькая, худенькая. Она не пила, у нее сердце больное было».

КАК ЛЮДИ ЖИВУТ

«Я ее знаю, очень хорошая, спокойная девочка была, ну инвалидка, конечно».

«Когда она что-то не понимала или кто-то ее обидел — она же не может кричать, у нее слезы из глаз».

«Да, мухи не обидит. Какая там агрессия? Ей бы пакеты эти донести».

«Она никогда никого не слушала, всегда делала то, что хотела, и вот результат. Много раз ей говорили, что надо жить в своей комнате и не надо ходить по улице».

«Говорили, что она красивая очень была. Что лицо было приятное. Вообще-то, честно говоря, это вокзал, разное чего слышала. Пусть ей земля будет пухом. Не надо ее беспокоить».

Вере было 38 лет. Голубые глаза, тонкая печальная улыбка, лицо в морщинах, русые волосы забраны в хвост. Родилась в Коломне. Отец рано умер, мама болела, и Веру воспитывала бабушка. Повзрослев, Вера продала дом и купила комнату в Раменском, где устроилась кассиршей в «Пятерочку». На новом месте ей стали досажать соседи по квартире, и она решила уйти из дома. «Они ей не давали житья, — говорит Верина подруга, — она даже готовить не могла. Выгоняли ее из дома. Ей стало очень обидно. Немножко есть и гонор свой — ну и она решила сама жить».

Поначалу Вера снимала хостелы, но скоро деньги закончились. У нее несколько раз воровали документы, и она часто ходила в фонд «Доктор Лиза» и в «Ночлежку», где их помогают восстанавливать. В «Лизе» она познакомилась с Андреем, который жил на Ленинградском вокзале. В фонд он приходил просто провести время — «сидел, чай пил».

Андрей стал помогать Вере. Приносил ей еду. А однажды вызвался съездить вместе с ней в МФЦ: незадолго до того она угодила под электричку и сломала ногу, так что даже ездить в такси самостоятельно ей было трудно.

— А почему вы именно ей начали помогать?

— Не знаю, человек понравился — не пьет, не курит...

Вера с Андреем стали все время проводить вместе и перебрались на Ленинградский вокзал. Рано утром Вера нередко будила Андрея, потому что хотела есть. Андрей доставал из чемодана свой маленький чайник, и они запаривали «Роллтон» или кашу в пакетиках, заваривали чай и кофе, делали бутерброды, а позавтракав, снова ложились спать.

Днем Вера с Андреем могли пойти в библиотеку — он брал книги, она сидела в интернете или пила чай в фуд-зоне. Могли отправиться погулять. Иногда Андрей звал Веру на выставки, но обычно она отказывалась. Вечером они возвращались на площадь и шли на точку раздачи еды за Ярославский вокзал. «Потом возвращались на Ленинградский, разговаривали, что у нее в жизни было, что у меня было, — вспоминает Андрей. — Смотрели «Южный парк» с телефона».

Когда Андрей с Верой ссорились или им нужно было отдохнуть друг от друга, они разъезжались по разным вокзалам: он — на Киевский, она — на Восточный. Андрей уезжал на пару дней, Веры хватало на день — потом оба возвращались на Ленинградский.

— Мы все время вместе держались, но отношениями это не назовешь, — рассказывает Андрей, — потому что они предполагают стабильную интимную связь. Это больше такая дружба. Я иногда ее мог забрать на несколько дней с вокзала в хостел.

Правда, в хостелах Вера с Андреем никогда не задерживались: Вера было неприлично в новых местах, и она стремилась поскорее вернуться на вокзал, где ей было все хорошо знакомо.

— В одном хостеле она сидит, глядит в окно и говорит: «Я, наверно, уйду на Павлик». Потому что она в хостеле не знала никого, а на вокзале — «Вот эту женщину я знаю, эту знаю, этого знаю».

— Вы не пробовали в эту комнату в Раменском приехать?

— Не, на фиг, я не хочу в Подмосковье.

Соцсети

Вера и Андрей

— Как давно она жила на улице?

— Честно — я не скажу. Даже если бы я спрашивал, не угадаешь, правду или ложь она говорит.

— Она врала?

— Это очень скрытный человек, она вообще мало с кем общалась. Когда какой-то вопрос задаешь, она или не отвечает, или просто убегает. Это забавно выглядит. Но в основном мы честно общались.

В биографии Веры Андрею многое было неизвестно. Например, в последний месяц ее жизни он узнал, что она часто просила милостыню у Елоховского собора. «Ко мне посторонний мужичок подошел и рассказал, чем она занимается. Оказалось, она там в день собирала по 3–5 тысяч рублей».

«Ну ей нравилось тоже в кофейне посидеть, кофе попить — латте, капучино», — говорит Наталья. Свой дом Вера продала после того, как ее уволили из магазина за медлительность: из-за болезни она не могла достаточно быстро пробивать товары на кассе.

— Не знаю, по Москве она бегала шустро, если честно, — говорит Андрей. — Она не самый тормоз, но не любила, когда ее торопили.

Вера часто приходила в «Ночлежку» за одеждой и средствами гигиены. В базе данных о посетителях фонда есть запись о том, что однажды Вера не стала мыть голову в душе, а лишь сполоснула ноги, потому что переживала, что на душ отведено только 20 минут — боялась, что не успеет.

Люди, знавшие Веру, говорят, что она была очень упряма. Виктор Петрович, тоже бездомный, отмечает, что волонтеры относились к Вере с большим вниманием и приносили ей на вокзал одежду, но она не брала. «Ей такое пальто предложили: «Вера, Вера, возьми». — «Нет, мне цвет не нравится».

— Была история, — вспоминает Андрей, — я тогда на нее наорал. Наступили холода, первая метель, мы на улицу вышли, а она в легкой куртке. У меня в чемодане лежал ее пуховичок. Я ей этот пуховик в руки отдал, говорю: «Надевай, уже холодно». Она ни в какую. «Не хочешь — тогда стой, как дура, с пуховиком в руках». Че вы думаете? Не надела — стояла и мерзла.

— У нее с головой все в порядке было?

— Я ее проверял: «Умножь то на это». Умножала. Зрение отличное, логика — все хорошо. Она троечница, но школу окончила.

Андрей говорит, что у Веры было заболевание — энцефалопатия: поражение мозга, из-за которого человек теряет контроль над движениями, становится замкнутым и отстраненным. «Нарушение координации, речи, мышления». В поликлиниках Вере не раз выписывали направления в больницу, но она всякий раз отказывалась от обследования. «Я говорю: поехали вместе, я к тебе буду приезжать, а она отказную пишет».

— Она могла сделать инвалидность и получать пенсию, но говорила: «Ничего у меня не получится», — рассказывала родная тетя Веры, с которой переписывался Андрей.

Удивительно, но при всем теплом отношении к Вере большинство ее друзей не понимали, что она говорит.

— Пыталась что-то, но очень тяжело было понять, — говорит Наталья. — Ей: «Как дела?», она: «Ха-ва-фо-о». А так вот фактически только: «У-у, увэ...» — такие звуки.

— Я нормально ее понимал, — говорит Андрей, — я привык, мне по фигу, а другие люди говорили, что она невнятно что-то бурчит.

Наталья говорит, что из-за инсульта у Веры во время еды не закрывался рот и еда стекала по щеке за ворот.

— Я говорю: «Вера, когда покушала, всегда вытирай». Забывала. Видно, у нее какая-то часть лица была слегка парализована. Это ж постепенно отходит. Говорят, даже лет пять назад она была нормальная. Ей надо было принимать кроворазжижающие каждый день. А это деньги.

Утром 10 декабря Андрей проснулся, когда Вера доставала бутылку воды из его рюкзака. «Гляжу: попила, и вдруг пить не может. А губы синюшие. Я думаю: че за фигня, подавилась? Потому что завтракала сидела».

— Я рядом спал, просыпаюсь: прыгает Андрей, прыгают менты, пришли местные врачи, — рассказывает Виктор Петрович, который тоже живет на Ленинградском вокзале. — Она уже не дышала, но врачи ей включили сердце. Менты выносили на одеяле ее, они плакали. А когда они ее гоняли, не плакали!

Вера умерла в Боткинской больнице через несколько часов. С тех пор Андрей по просьбе родственников хранит ее вещи у себя в чемодане, к которому вместо ручки приделан велосипедный замок. «Я должен сорок дней носить их с собой».

После смерти человека, у которого была крыша над головой, остается масса барахла: посуда, гардероб, фотографии. От Веры остался один рюкзак. В нем шам-

Соцсети

Андрей на Восточном вокзале

пунь, гель для душа, молочко для тела, масло, мочалки, зубная паста, джинсы, джемпер, шапочка и несколько блокнотов с телефонами знакомых и адресами благотворительных фондов.

Когда я по телефону беседовал с Вериней тетей, она говорила о племяннице довольно холодно — в том духе, что сама виновата. Через десять минут после окончания разговора она мне перезвонила.

— Забыла сказать. Когда она умерла, мы с родственниками собрали денег, кто сколько мог, привезли ее в Коломну и похоронили на нашем кладбище — с почестями, со всеми делами. В церкви не отпевали, но свечку поставили. Весной ограду будем варить. Так что никто не забыт, ничто не забыто.

Андрей

Андрею 41, он живет на вокзале последние полтора года — с тех пор, как его депортировали из Эстонии, где он работал в одном крупном банке.

— По телевизору в Эстонии показывали, что тут звезд: никакой политики, мнение нельзя высказывать, и я дико офигевал. Думал, тут никого нет уже, военное положение, апокалипсис. Приезжаю, смотрю — люди ездят на работу, ведут привычный образ жизни, машины вроде двигаются по дорогам. Оказывается, тут что-то подкрутили, заместили, и здесь нет никакого страха, за исключением, когда точно касается.

Андрей говорит чрезвычайно спокойно, тихо, к тому же не снимает с лица медицинской маски — стесняется из-за выпавшего зуба. Мы беседуем в кофейне на Ленинградском вокзале, во время разговора Андрей разламывает на кусочки улитку с корицей и заворачивает в салфетку пакетик из-под сахара. Просит купить ему чаю и наггетс-бокс в KFC. Андрей подрабатывает сборщиком заказов во «Вкусвилле», но после праздников денег мало.

Руки Андрея покрыты коростой. Он уверен, что это следы отравления: много лет подряд он у себя в соцсетях ведет отчеты о том, как его преследуют недоброжелатели, которые когда-то увели у него пять миллионов рублей, а теперь преследуют Андрея, пытаются пресечь его попытки вернуть деньги.

Андрей неоднократно обращался в полицию и прокуратуру и в России, и в Эстонии, но убежден, что эти структуры тоже участвуют в сговоре против него. «Это очень серьезный криминал», — повторяет он раз за разом.

До переезда в Европу у Андрея были деньги, но кочевой образ жизни он ведет довольно давно. Раньше жил в гостиницах и апарт-отелях, но нигде не задерживался надолго из-за страха преследования.

На Ленинградском вокзале три этажа: минус первый, первый и второй. В подвале — туалеты, на первом этаже — кафе и выход к платформам, на втором — залы ожидания. Я прошу Андрея показать мне зал, где они с Верой ночевали. Мы поднимаемся на второй этаж, и Андрей доводит меня до двери, но сам остается снаружи. Оказалось, что после смерти Веры Андрей туда ни разу не заходил.

— Ни разу не ходили? Получается, вы так вот переживаете горе?

— Ну да. Но у меня когда какое-то горе, я отключаюсь от горя, чем-то позитивным себя поддерживаю. Банально какой-нибудь круассан и кофе, съездить куда-то — на выставку «Золотая черепаха» или в «Гараж». Как-то отвлекаешься.

← СТРАНИЦЫ 22-23

Ночной автобус

— Я не жрал уже восемь дней!
— Четыре года, на хрен! Серга, давай не рассказывай.

У «Ночного автобуса» людно, человек сто. Люди переминаются с ноги на ногу, чтобы согреться: на дворе минус 21. Чтобы попасть на пустырь, где волонтеры «Ночлежки» раздают бездомным горячую еду, нужно обогнуть Ярославский вокзал, пройти по проулку мимо гаражей и бетонных заборов, к которым жмутся разбитые легковушки, и перемахнуть через длинный, порешатый на горный хребет сугроб в два человеческих роста. Сюда не заходят случайные пассажиры, места тут много, поэтому именно здесь раздают еду благотворительные организации. Очередь выстраивается вдоль забора, увешанного пестрыми рекламками рабочих домов.

— В 78-м морозы до сорока доходили. В прошлом году зима теплее была. В этом еще более-менее холодно.

— Ты посмотри, что на мне! Это не куртка, это поддевка. Приехал сюда в июле месяце, блин, порешать проблемы. До сих пор решаю. В трусах приехал, в трусах хожу. Все в Самаре оставил.

— Сигареты не будет?

— Не, мужик, сам бычки курю.

— Еще раз говорю: иди назад встань!

Минут через пятнадцать я сам перестаю чувствовать пальцы ног, мне непонятно, как люди стоят тут часами. Очередь движется медленно: сначала еду получают женщины и старики. У каждого «клиента», как пришедших называют в «Ночлежке», волонтеры спрашивают фамилию — это нужно для ведения статистики: сколько на точке людей и как часто они приходят. Сегодня на ужин — рассольник с курицей. Из автобуса показывается усатый водитель Юра, желает всем приятного аппетита и сам пробует похлебку на вкус.

— Совсем несоленый, да? — спрашивает Юра какого-то старика.

— Совсем.

— Ну не холодный хотя бы?

— Почти горячий.

Бабушка Ира

Мы с Андреем спускаемся на минус первый этаж. По лестницам он не ходит: из-за проблем со спиной пользуется лифтом. В подвале ошутимо холоднее, чем наверху, я надеваю перчатки. «Раньше такого не было. Они сейчас впервые отключили батареи — с нами борются».

Андрей заводит меня в туалет. С потолка капает вода. Здесь, прямо в кабинке метр на метр, живет старушка по имени Ира, ей 86 лет. Здесь же по ночам она глушит коньяк, который ей покупает Андрей. Бабушка Ира стоит в холле между женским и мужским туалетами и стреляет сигареты у пассажиров. Огромные глаза навькат, одна рука безжизненно свисает и почти касается пола. Бабушка Ира говорит, что приехала в Москву летом, после того как ее дом на Луганщине разбомбили.

— Я ездила внуков навещать. У старшей внучки был день рождения, и я всем им накупила подарков. Приехала навещать молодежь. Как обычно, залезла посмотреть, чего в холодильнике не хватает. Ну ничего, я пошла до магазина. Только за угол — взрыв! Я все покидала, естественно, какое там, ничего мне не захотелось уже. И вот такая беда. У меня там внуки погибли, пятеро, мал мала меньше. Они жизни не увидели. Зять, дочка, мама с папой. Не то чтобы я за взрослых переживала, я за пятерых внучек, мое дорогое самое. Вам, наверное, этого не понять. Соседи, соседи у нас хорошие были, подсобное свое хозяйство неплохое, большой огород, все свое было.

— Вы прямо в туалете живете?

— Ну а что делать? Мне тяжело. Я не смогу подняться наверх, чтобы на лавочке поспать: ноги болят... Другое дело, если б дом был хотя бы целый. Может, я здесь не сидела бы. Еще неизвестно, когда... [СВО] эта закончится. Приехала, и... пожалуйста. Лучше не вспоминать, не хочу, мне очень

Проход между пустырем, где раздают еду, и площадью за Ярославским вокзалом

Фото автора

ТРИ ВОКЗАЛА

Фото автора

Бабушка Ира

тяжело, я с большим трудом, истощение нервной системы у меня было.

— Расскажите, как ваш день проходит.

— Я сплю и днем, если получится, а так приходится стоять постоянно. Вы сами поймите: какой сон в туалете?! Когда получается, когда не получается. Без конца шум, гам. Мне, думаете, сладко тут, в кабинке? Ноги не вытянуть, холодно. Сегодня мужчина лазил своей седой бородой под кабинкой, чтоб че-нибудь украсть у кого-то. Я закричала: я или вызову полицию, или сама по башке дам.

Бабушка Ира рассказывает, что всю жизнь проработала кардиохирургом. В Донбассе у нее была хорошая пенсия, а в России — всего девять тысяч рублей,

и всю ее она спускает на лекарства. Когда случился взрыв, в огне сгорели все ее украинские документы, и Ира получила российский паспорт. Говорит, останься у нее украинский паспорт — она бы постаралась устроиться жить в ПВР для беженцев.

— А если вам вызвать такси в «Ночлежку», вы поедете?

— Ни за что. Была я там. Лучше я буду в холоде, в голоде, чем туда поеду.

Бабушка Ира не обращается за помощью в фонды, говорит, что там только обещают, а помогать не помогают. Боится, что нужно будет долго сидеть в очереди бок о бок с другими бездомными, которые «без рук и без ног там гниют». За едой на пустырь она тоже не ходит: из-за того,

что все время спит сидя, у нее болят ноги. Кроме того, брезгует: боится, что волонтеры готовят грязными руками.

— Сегодня мне уборщица мужского туалета супа сварила, меня угостила. Я только недавно съела. Я говорю Андрею, он записывает, что мне купить, и мы кушаем вместе с ним. Иногда, когда очень кушать хочется, я набираюсь духа, закрываю глаза и прошу: если можете, помогите чем-нибудь на еду. Кто-то дает. Раньше люди как-то лучше были, спокойней, а шас не то время. Есть люди добрые, хорошие, но их мало очень. Приходят, говорят: «Давайте мы вам поможем!» И уходят. Или купят что-нибудь наподобие дешевого пирожка — и до свидания. Спасибо хоть за это, что я могу сказать... Но мне и самой еще стыдно обращаться к людям. И вообще, кто здесь работает в магазинах, меня уже все знают с хорошей стороны. Я никому не грублю, ни с кем не ругаюсь.

Пока я допрашиваю бабушку Иру, вокруг нас собирается несколько человек: пассажиры, охранники и бездомные. Все внимательно слушают, что рассказывает старушка. Наконец она устаёт и уходит в свою женскую половину туалета. Тишину прерывает Андрей. Он окрикает зашедшего в туалет знакомого: «Слушай, а сегодня старый Новый год или завтра? Одиссей, не знаешь? Я что-то никак не могу понять».

Месяц назад Ире стало плохо с сердцем, и уборщица вызвала ей скорую. С тех пор бабушку никто не видел.

В 2022 году «Ночлежка» выявила резкий всплеск смертности среди бездомных: на улицах Москвы умерло 5915 человек — это на 12% больше, чем в 2021-м. Всего по России тогда было зафиксировано 40 тысяч смер-

КАК ЛЮДИ ЖИВУТ

тей — население небольшого города (к примеру, Торжка).

В Москве, по данным компании Validata, живет 238 тысяч бездомных. Пока число тех, кто оказался на улице из-за СВО, несущественно отражается на общей картине, однако в «Ночлежке» предрекают увеличение их количества по окончании боевых действий, когда домой вернутся солдаты.

Хадыча

В том же туалете я знакомлюсь с грузной таджиккой в пестром платке. Ей 52 года, зовут ее Хадыча; она без умолку тараторит. В детстве мама сдала ее в детдом, где говорили по-русски, поэтому всю жизнь ее звали Катей. «Раньше мне было неприятно себя Хадычей называть, а с другой стороны, имя свое лучше».

Когда Хадыче исполнилось 18, мать попыталась выдать ее замуж в горы, но та воспротивилась, к тому же вскоре в Таджикистане началась гражданская война, и Хадыча бежала в Башкирию, где вышла замуж сама.

— Муж меня использовал, никогда деньги не приносил, гулень был. Я вот в Башкирии ходила на огородах работала, выживала — приносила детям кушать, и он тоже кушал. А он к женщинам много ходил — вот там все и пробухивал. В 2007 году я его жестко уже выкинула, когда он меня сильно ударил.

Долгое время Хадыча жила в доме мужа. «Я высыпалась там, все готовила себе». Но муж решил квартиру продать.

— Нас, говорит, с тобой ничего не связывает. И тогда я на улице осталась. А так я уже давно бомжую — двадцать с лишним лет. Нас всегда выгоняли кругом.

Сыновья Хадыче не помогают: один в могиле, а другой пьет, к тому же недавно вернулся со СВО контуженным. С тех пор как муж продал квартиру, Хадыча жила на Ленинградском вокзале, но с августа она снимает койку на окраине Москвы. Зарабатывает массажем: научилась, пока работала сиделкой у башкирских стариков.

Хадыча пришла на вокзал, чтобы отыскать подругу — бабу Нину.

— Надо бабу Нину спасти. Ищу кругами, нет ее нигде. Я купила для нее немножко винограда дешевого, кефир, творог, пойду чаем напою ее. Познакомились вот близко, она меня узнает и подходит, просит у меня трусы, носки просила у меня, лифчик. Я хожу тупо ее кормлю — пирожок возьму ей, котлету, гречку. Вчера давала 200 рублей. У нее есть знакомые полялякать, а подруг нету. Постоянно говорит: «У меня нет подруг». А так я долго ее — полгода — не видела. Думала, она определилась уже.

— Почему вы именно ее выделили из других?

— Потому что она меня выбрала. Она видит, что я к ней равнодушна. Она сама кого-то кормит. Она хорошая, добрая, щедрая — деньги налево-направо раздает. Беспредел. Но я не орала на нее, спокойно объясняла: «Ты сама на копейки живешь и еще ходишь кому-то помогаешь?» У нее характер, оказывается, совсем наивный. Как у меня.

Баба Нина

Мы кружим по вокзалу в поисках бабу Нины, но расстраемся, так и не найдя ее. Через пару дней я возвращаюсь, чтобы все-таки ее отыскать. Оказалось, сейчас она живет на Казанском. Ленинградский вокзал маленький, интеллигентный, с него в Петербург отправляются «Сапсаны», набитые клерками и бизнесменами. Он логично устроен: вот вход, вот галерея магазинов, и тут же выход к платформам. Казанский вокзал находится на другом берегу площади и соединен с Ленинградским длинным подземным переходом, где околачиваются пьяницы, которых выгнали отовсюду и совсем никуда не пускают.

Казанский огромен: он обслуживает сразу два направления — Казанское и Рязанское. В отличие от Ленинградского и Ярославского, которые в советское время снесли до фасадной стенки, Казанский вокзал слабо изменился с момента по-

Фото автора

Хадыча

— Ну чем она мне поможет? Такая же, как я.

— Виноград вам, говорит, приносила.

— Ну, может, и приносила.

— А белье она вам покупала?

— Ну это копеечное! Это мелочь. Не надо.

Баба Нина родом из Мордовии, эрзянка. Пухлое лицо, раскосые глаза почти не открываются из-за двух инсультов. Ей 72 года, 20 из них она отпахала на молочном заводе. Потом переехала в Москву. Лет семь назад решила съездить на малую родину, но выяснилось, что сын продал дом.

— Я когда узнала, у меня волосы поседелели. Я его проклинаю на всю оставшуюся жизнь. Он меня не спросил. Он палец на него не ложил. У меня дом хороший был, большой, там и сарай, и гараж, и бани, огороды большие, скотина: коровы, поросята...

Нину перебивает беззубый товарищ. «Да зачем ты ее о жизни спрашиваешь? — шепелявит он. — Ты пиши одно: <...> уничтожают русский народ».

После продажи дома баба Нина устроилась домработницей в Мытищи: убирала, гладила и готовила. Хозяин квартиры даже прописал Нину у себя. Но тетка работодателя стала опасаться, что Нина будет претендовать на жилплощадь, и обвинила ее в том, что она спит с хозяином. Нина не снесла таких оскорблений и ушла из дома.

— У крестницы пожила маленько, потом думаю: на хер людям надоедать? сколько можно жить у чужих? приду сюда. Вот и хожу по вокзалу.

— Есть кто-то, кто вам помогает?

— А кто? Да нет никого. Максимум — «Здрасьте, баб Нин». — «Здрасьте». — «Как дела?» — «Да ничего». А когда плохо, скажу: «Да не очень».

В следующую минуту к нам подходит какая-то женщина в симпатичном картузе и протягивает Нине миску квашеной капусты. Нина кивает и брезгливо передает тарелку мужчине, который сидит рядом с ней.

— Я тебе это даю, не ему! — одергивает ее женщина. — На-на-на-на.

— Спасибо, — нехотя отвечает баба Нина.

— Где вы еду нашли? — спрашиваю.

— Места надо знать. Не могу сказать.

— Почему?

— А вдруг ты прибежишь!

Женщина уходит курить.

— Вы не стали есть, потому что не голодны?

— Я и голодная не скажу «голодная». У меня терпение каменное. Плакать могу, но жаловаться — на хер.

История Нины очень характерна. Люди оказываются на улице по самым разным причинам, но одна из них, безусловно, — гордость. Многие уходят из дома сами, хлопнув дверью, не выдержав стеснений и унижений. Нередко это осознанный выбор, с последствиями которого тяжело разобраться. Та же гордость потом

не позволяет выбраться с улицы. «Я зубами грызла гранит науки, как я теперь буду получать бомжацкую прописку?!» — вопрошала одна бабушка на Ярославском вокзале, имея в виду временную регистрацию, которую можно оформить в центрах соцобслуживания.

— Люди, любящие свободу, уйдут от проблем, — сказал мне один бездомный. — Они не будут скандалить с родственниками — они уйдут и будут как-то выходить из ситуации.

В «Ночлежке» любят повторять, что никто не оказывается на улице по какой-то одной причине. Когда соцработники спрашивают клиентов об их судьбе, то обычно записывают в графу «Причины бездомности» хотя бы две. Например, в личном деле Веры записано: «Потеря работы, утрата документов».

На месте любого из этих людей я спокойно представляю себе, например, свою бабушку: доверчивая и скромная, она запросто могла бы перелесать квартиру на мошенников и никому об этом не рассказать, а дальше — все по накатанной. Разница между бездомными и всеми другими людьми лишь в том, что мы живем дома, а они — на улице.

Виктор Петрович

Я возвращаюсь на Ленинградский и снова спускаюсь на минус первый этаж, где знакомлюсь с Виктором Петровичем — миниатюрным дедушкой с острой бородкой, маленькими глазками и впалыми щеками. Он выглядит на 60, но ему 87 — у бездомных вообще очень трудно определить возраст.

Мы разговариваем в закутке у лифта: в подвале по-прежнему холодно, а место у лифта — единственное, где работает батарея, к тому же оно отгорожено от коридора прозрачными панелями из стеклопластика, что создает внутри парниковый эффект.

Пару лет назад Виктор Петрович перенес операцию на сердце. Выписавшись из лазарета, он приехал домой и обнаружил, что квартира опечатана — оказалось, что пока старик лежал в больнице, его племянник попытался ее продать. С тех пор Виктор Петрович судится с племянником, а сам живет на вокзале. Летом он живет и работает в совхозе имени Ленина, где собирает клубнику. Платят натурой — 10% от собранного, и сбывать товар приходится самому: нужно везти на рынок шесть кило ягод на электричках. Но выручка хорошая: по 5–7 тысяч в день.

Работая в поле, Виктор Петрович копил на новую операцию: у него вторая стадия рака. Теперь он ждет, пока кончатся суды, наступит весна и можно будет снова выйти на работу.

Окончание материала
Одиссея БУРТИНА —
СТРАНИЦЫ 26-27 ➔

Фото автора

Бездомная женщина ест суп

Клиенток она находит в женской половине Соборной мечети.

— В чайхане ищу женщин, в мечети: в раздевалке, где не видно, где камер нет. А то с палкой выгонят! Одной сделаю массаж, другая увидит: ой, и мне тоже сделай! Они мне по 500 рэ платили каждый день. Вот щас вот буквально на Казанском вокзале узбечка в туалете убирается (у нее такая комнатка есть) — сделала ей массаж, лицо немножко помяла, она мне 400 рэ дала.

На себя работаю — мне так лучше. Я тоже, так сказать, бомж, но сейчас в хостеле живу. Там одни мужики. Я за койку каждые пять дней плачу: кому-то массаж сделала — пять дней отдыхаю.

стройки. Здесь темно и сыро, поэтому он напоминает запутанную пещеру: множество коридоров, переходов, закоулков и лестниц. Все мои собеседники сходятся в том, что Казанский вокзал самый грязный и криминальный на площади. Полностью зачистить такой вокзал от бездомных почти невозможно.

Я нахожу бабу Нину в одном из многочисленных залов ожидания — она сидит на лавке, положив голову на плечо какому-то беззубому дядьке. Я показываю ей фотографию Хадычи, которую сделал накануне.

— Знаете эту женщину?

— Да, общались.

— Она говорит, вы дружите, она вам помогает.

← СТРАНИЦЫ 24-25

— Сейчас вам больно?
— Да. Очень болит. Особенно в электричке, когда застудишь. Мне врачи сказали, 3–5 лет я протяну.

— Если вы придете в совхоз, они вас возьмут снова?

— Хо! С руками оторвут. В совхозе великолепные люди.

Виктор Петрович очень хвалит работников совхоза, врачей и вообще не скупится на благодарности.

— А где вы ночуете?

— В электричках. Я сажусь на последнюю на Ярославском, она уходит в 0:45 и идет в Александров. В электричке сегодня даже жарко было, но потом выключили отопление после Сергиева Посада, и стало нормально. Не все электрички отапливаемые. В основном чуть-чуть подтапливают один-два вагона для бомжей, хотя этого не положено делать.

— Туда и обратно — это сколько занимает?

— Обратно мы приезжаем обычно часов в шесть. Но бывает и быстрее: электричка может пойти напрямую в Москву без остановок, сразу на подачу.

Я ехал сегодня ночью, меня выгоняли 12 контролеров. Меня знаете, кто выручил? Полиция. «Чего вы к деду пристали? Вы знаете постановление правительства номер такой-то? Стариков и детей в мороз ниже десяти нельзя выгонять из общественного транспорта». — «Не знаем». — «А это ваши проблемы». Там даже люди уже сбросились мне на билет — полицейский сказал: «Не надо, он поедет так. Дед, надо свои права знать и защищаться».

Вот сегодня едем, бац — контролеры: «Ну что вы кучкуетесь! Разбросайтесь по разным вагонам, мы вас и не тронем». А почему мы кучкуемся? Страх. Мы боимся. Мало ли, по голове дадут одному, у меня чемодан утащили, рюкзак утащили. Здесь у каждого второго нет документов по этой причине. Обычно делается так: ты сидишь, нож к горлу, документы у тебя забирают.

Вдруг из лифта выходит друг Виктора Петровича — Слава.

— А вы где обитаете? — спрашиваю.

— В зале ожидания.

— Гоняют?

— А вы вопросов не задавайте лишних и глупых, зайдите сами с нами и сделайте вид, что вы такой же, кто-то из нас. И на своей шкуре испытаете, что это такое.

Ты можешь сидеть с открытыми глазами и думать, что не спишь абсолютно. Мент подходит, тебя за плечо дергает — «Я не спал!» Охранник тебя может с лестницы кувырком спустить. И им не важно, холодно на улице, не холодно, болен ты, не болен. После такой ночи бессонной ни о какой работе речи быть не может. Хотя многие тут ночуют, а днем еще ходят на работу. Надо бычье здоровье иметь, чтобы снег нести, чтобы не падать там.

Сегодня Слава не будет ночевать на вокзале — недавно он нашел заброшенное помещение в пяти минутах ходьбы от вокзала. Разжился матрасом, газовым обогревателем, ноутбуком. И сегодня ночью он пойдет туда. Он расстраивается из-за того, что никто из его знакомых не хочет пожить там вместе: можно было бы разделить по ровну плату за отопление и поскорее скопить денег на то, чтобы выбраться с улицы.

— Ладно, было! Пошли на кормежку скорее.

На часах начало пятого, а это значит, что скоро за Ярославским вокзалом будут раздавать еду. Слава вызывает лифт.

— Ты почему государственное имущество портишь? — смеется Виктор Петрович. — Это же для пассажиров!

— Я родине налогов на миллион заплачу, так что это и для меня тоже.

Виктор Петрович ведет нас к кормушке неведомыми мне раньше подземными переходами, мы проходим через вестибюль метро, чтобы не идти по морозу. Слава на него поругивается: «А! Москва — Владивосток! Сусанин! Давно бы уже там стояли!» Вынырнув из перехода, мы оказываемся на пустыре и вклиниваемся в плотную толпу бездомных, которым

Фото автора

Бездомный мужчина стоит в очереди за одеждой

волонтеры раздают что-то из багажника автомобиля. Узнав, что я журналист, со мной заговаривает двухметровый мужик. У меня над ухом звучит громогласный бас.

— Вот вы напишите, что эту проблему надо решать на государственном уровне. Это социальная проблема — это надо на Думу выносить! Надо обязать каждого олигарха отчислять сотую долю процента дохода нам.

— Тс-с, его за это посадят! Если ты эту тему будешь глубоко копать, тебе дадут по башке, — пугает Слава. — Ты же не хочешь выступать противником режима? А это непосредственно связано! Пиши так: «Бомж сам виноват, что замерз на 30-градусном морозе!»

— Народ так страдает, это вообще жопа! Здесь автобус подают теплый, до шести утра можно спать сидя. Как замечательно! — иронизирует кто-то в толпе.

Речь о маршрутке «Соцпатруля», которая каждую ночь приезжает на пустырь. Бездомных пускают туда погреться — внутри сидя помещается человек восемь. Под утро она увозит желающих в знаменитую ночлежку на улице Иловайского.

Толпа рассасывается: оказывается, сегодня не кормят, а лишь раздают одежду. Несколько оставшихся встают в круг, один волонтер шепчет молитву на латыни, другой, запрокинув голову, громко повторяет ее по-русски.

— Это кто такие? — спрашиваю.

— Да какие-то религиозники, один хрен, — хмыкает Слава. — У Маркса все сказано. Вить, ты чего меня обманул? Тут ничего не дают.

Вместо того чтобы сюда переться, надо мне было свое расписание посмотреть, — вздыхает Слава. — Оно у меня в книжке выписано вплоть до меню. Берешь и каждый день записываешь, что и когда дают. Многие до этого не додумываются, вот так вот живут: «А, кажется, кормят!» Эти люди

давно мертвы. Их просто забыли похоронить... Так. А теперь пойдем без метро по моей дороге, это будет в три раза короче и быстрее.

Несолоно хлебавши, мы возвращаемся на вокзал. По дороге Виктор Петрович сетует на то, что большая часть благотворительных организаций имеет религиозный уклон.

— Вот «Ночлежка» и «Доктор Лиза» — две светских организации. «Сороковники» (он имеет в виду «Сорок сороков» — организацию православных фундаменталистов. — О. Б.), например, раздают то, что остается от питания в школе. И, в общем, это больше похоже на авторитарную секту или на рабочие дома.

Мы поднимаемся на второй этаж и направляемся к залу ожидания. По пути Слава встречает знакомого.

— Шалом!

— А?

— Шалом, говорю. Ты ж тоже еврей, что не отвечаешь?

— Ну шалом-шалом. Виделись, — бурчит знакомый.

— Ты чего на кормушку не ходил?

— У меня сегодня выходной.

— От чего?

— От кормушки.

Оказывается, у Славы на вокзале есть погоняло — Еврей. «У меня корни-то — по факту непонятно, есть или нет. Но по духу точно еврей».

Слава-еврей

При Славе баул с разным хламом, на голове грязная шапка в катышках. Андрей мне про Славину шапочку все уши прожужжал.

— Он ходит в этой шапке женской непонятной, выглядит очень странно. Человек из нормального русла перешел в такую фигню, он уже тут освоился. В ито-

ге человек садится на эту еду, которую раздают.

— Судить о вменяемости человека по его шапке... — заочно парирует Слава. — Да мне поровну, какая шапка, если на улице минус двадцать! Но обрати внимание, я сплю в нормальных условиях, а он на вокзале у туалета. Это о чем говорит?

Слава-еврей вырос в семье диссидентов в новосибирском Академгородке. В 15 лет отказался вступать в комсомол. Окончил химфак, преподавал в универе. Слава говорит, что последние 30 лет он ведет «инновационный бизнес в венчурной области» — изобретает медицинское оборудование и продает на него патенты. Говорит, что последнее его изобретение — беспроводная мышь, которая работает без батареек. «Мне нужна проблема. Дальше мозг выдает ответ среди ночи сам. Остается только записать».

Этим же Слава занимается и поныне. Раньше было проще, теперь же партнеры шарахаются от него, когда узнают, что он живет на улице. «Несмотря на то что официально по документам я не бомж и фирма у меня существует».

Год назад Славу попытался убить любовник его жены — хотел таким образом по-простому отобрать у него квартиру. После этого Слава уехал из города и с тех пор живет на вокзале.

30 лет назад Слава управлял цехом по производству бактерицидных облучателей и познакомился там с будущей женой — она пришла устраиваться к нему на работу с тремя голодными детьми, ему стало ее жалко, и он решил жениться.

— Помочь можно было десятком другими нормальными способами, — сокрушается Слава. — Это было абсолютно дикое решение. Самому ложить свою шею под паровоз. Никак не выясняя, а подходите ли вы в принципе друг к другу. Русская литература мне жизнь разрушила. Это у Льва Толстого в «Воскресении» человек

пытается поднять падшую женщину. И вот эта лживая пропаганда, что можно из собаки сделать достойного члена общества! Профессор Преображенский попытался...

Вот представьте себе, если бы я читал с детства Мопассана, я бы никогда так поглупому не женился. У Бальзака об этом сказано: не пытайтесь сделать то, чего вы не в силах изменить.

Детей Слава давно переправил в Европу, где каждый открыл по бизнесу. «Я их обучил, что в найм идти — последнее дело».

— Вы просили их вам помочь?
— Об этом не протят. Смысл?
— Но что вы потеряете, если спросите?
— Да ничего, я просто знаю ответы.
— То есть вы на детей в обиде?
— Нет, абсолютно нет.
— То есть это гордость.

— Это никакая не гордость. Я просто не понимаю, зачем задавать вопросы, ответы на которые ты уже знаешь.

Зал ожидания — вытянутое помещение с рядом длинных лавок и «детской зоной» в торце, где стоит маленький столик с бумагой и цветными карандашами. Дело идет к полуночи. В зале много людей: кто-то находит в себе смелость курить, роняя пепел на кафель, у кого-то из динамика играет песня группы «Кино»:

*Дом стоит, свет горит,
Из окна видна даль,
Так откуда взялась
Печаль?*

Из огромного окна от пола до потолка видна пылающая огнями гостиница и ж/д пути. Слава ставит мне трогательные бардовские песни в ютубе: о том, как ни в коем случае не нужно повиноваться системе и ходить строем, об исходе евреев из Советского Союза в Израиль, об одинокой бездомной девочке, заблудившейся в холодном промозглом городе...

*А люди во дворы спуют,
И как-то невзначай
Ты смотришь в окна, там — уют,
Там закипает чай.*

*Неоновых реклам огни,
Огни машин чужих.
И как дожди, проходят дни,
Не складываясь в жизнь.*

Ночь

Те бездомные, у которых водятся деньги, раз в несколько дней покупают самый дешевый билет на поезд дальнего следования и показывают его охранникам, чтобы те не прогнали их на улицу ночью. А за восемь часов до отправления поезда сдают его в кассе, чтобы вернуть деньги. Я по совету Андрея покупаю билет в сидячий вагон до Бологого.

Сворачиваю куртку в калачик и ложусь на кривую лавочку на балконе второго этажа. На первом холоднее: теплый воздух поднимается к потолку. На балконе и дышится легче, чем в зале ожидания, где бездомными заняты все восемь лавок. К слову, теперь мне понятно, почему новые модные лавочки из лакированной древесины такой причудливой формы — круглые и изогнутые: спать на них затруднительно. Бездомные ложатся там, где скамейки стыкуются друг с другом, в пространстве между двух поручней. Заснуть получается не сразу: позади меня двое бездомных ставят кавказскую попу и очень громко ищут какой-то стаканчик, мужик на соседней лавке распевно храпит. Другой кашляет так, что лавка ходит ходуном.

Мне становится холодно, и я перебираюсь в зал ожидания. На входе, словно некий страж, сидит мужчина: «Я не понял, а дверь-то закрывать будем?» Послушно закрываю за собой дверь и, подложив под голову рюкзак, ложусь в ложбинке, где стыкуются друг с другом две лавки.

Из громкоговорителей почему-то играет саундтрек к «Твин Пиксу». Музыка прерывается ежеминутными объявлениями: на вокзале сломалось электронное табло, поэтому теперь каждое звучит дважды.

Часов в пять утра в зал ожидания заходит толстый парень в светящихся науш-

никах и тоже неосторожно не закрывает за собой дверь.

— А двери кто будет закрывать?!
Тот делает вид, что не слышит.
— Ты че, охренел, что ли?!
— Тебе надо, ты и закрой.
— Ты че такой дерзкий, нах?

Дядька вскакивает, несколько раз лупит парня локтем по хребту и выталкивает его из дверей. Наушники летят следом.

— Тут люди спокойно сидят отдыхают, а он... Че он такой дерзкий, нах?

— Морозы крещенские, блин.

Главная трудность ночлега на вокзале — санитарная уборка, которую проводят дважды за ночь: первую — в час ночи, вторую — в шесть утра. В час я еще не спал, а к шести задремал и был разбужен криком охранника: «Уборка, все на выход!» Спускаемся во второй кассовый зал! Зал ожидания полностью зачищают, но, если предъявить билет, можно остаться спать на балконе второго этажа.

Бездомные вереницей спускаются на первый этаж, к выходу из вокзала. Там очень холодно и совсем не топят, но это ничего: через час уборку закончат, и можно будет вернуться наверх.

— Это беспредел! — кричит старик с длинной седой бородой. — Бить меня по руке... Вот это быдло может ударить меня! Ну надо же это быдло мордатое проучить! — распалается дед. — Козлина!.. Я могу зарезать вот этого мразоту. Ну а что мне делать?!

Старика успокаивают двое ментов:

— Каждый день одно и то же. Все граждане должны выйти из зала.

— Вон они, быдловозы, стоят, улыбаются: ха-ха-ха! — Старик обиженно тычет пальцем в сторону охранников, один из которых только что ударил его по руке.

— Ну так ты возьми и не упрямься. Каждый день ты кричишь: «У меня билет, я никуда не пойду!» Ну ты хотя бы из детского зала выйди.

— Ну я же вышел из зала. Выгнали. Ну а где мне стоять — на улице, что ли?!

— Ладно, Юрий, шас мы пойдем и с гэбэшниками поговорим. Ну только ты больше не залупайся. Ты шас посидишь час, даже меньше, и пойдешь наверх.

— Врежьте ему, и все, — подсказывает пассажир. — Кусок говна.

— Ты кого куском говна назвал?!

— Раньше такого не было, — возмущается женщина с костылем. — Сейчас вообще беспредел. Нельзя так делать с людьми. Мы что, немцы, американцы?!

— Палки взяли и ходят, — соглашается другая. — На фронт их!

Послушав разговоры, я спускаюсь на минус первый этаж. Местные коротают время под тепловой завесой на лестничной площадке. Поговорив с людьми, я выясняю, что далеко не все из них бездомные — некоторые приходят сюда по выходным просто потусоваться. «Мне надоело в клубы ходить — и побить могут, и обокрасть. А здесь можно нормально с людьми пообщаться».

Я захожу в туалет и встречаю там Славу. Тут же, красиво прислонившись к стене, на корточках сидит мужичок. Я спрашиваю, можно ли его сфотографировать, он интересуется, для чего.

— Репортаж пишу.

— О чем?

— О самых свободных людях, — отвечает за меня Слава.

1 сентября 2023 года Минтранс запретил находиться на вокзалах и в электричках людям «в пачкающей одежде, имеющей зловонный запах, которая может загрязнить вагон и вещи других пассажиров». В «Ночлежке» полагают, что эта мера осложнит жизнь бездомным, поскольку для них вокзалы — одно из немногих мест, где они могут переночевать.

Бездомный спит на лавочке в метро

Фото автора

Утро

В семь часов уборка заканчивается, я возвращаюсь в зал ожидания и наконец засыпаю. Раз в час в зал заходят полицейские, расхаживают по рядам, спрашивают, кто куда едет, и просят убрать ноги с лавки. Я для виду свешиваю ноги, потом снова устраиваюсь поудобнее до следующей проверки. В очередной раз меня будят около часа дня.

— Куда едем, молодой человек?

Спросонья я не нахожу ничего лучшего, как ответить: «На северо-запад», — хотя накануне купил билет до Бологого.

— Ну раз на северо-запад, то поднимайтесь, пожалуйста.

Других выгоняют проще: «А ну пошел на хрен отсюда!»

Менты говорят на удивительной смеси матерщины и казенной вежливости. Выходя из зала ожидания, вижу, как они приглашают пройти за собой дедушку с ворохом сумок.

«Поможете органам государственной власти, Сергей Витальевич? Нужно изъять у гражданина наркотические вещества. Сумки ваши мы поможем сдать в камеру хранения».

В туалете я застаю Андрея за бритьем. Он приглашает меня позавтракать. Мы покупаем кофе «3 в 1», Андрей достает из чемодана маленький чайник и заваривает мне кофе в бумажном стаканчике. «Пакетик не выкидывай, им размешивать будешь».

На втором этаже я знакомлюсь с Юлей, красивой девушкой 40 лет, хотя я ей не дал бы и тридцати.

— Как спалось? — спрашиваю.

— Я пряталась в туалете женском. А потом поднялась, в зал зашла и спала там до момента, когда всех разбудили в шесть утра.

— Я видел, люди ночью у выхода пережидают. Вам туда нельзя?

— Если выгоняют, то отовсюду.

— Меня не прогнали.

— Вас просто не знают в лицо.

— Не надо в нашем несчастье кого-то винить, — говорит Виктор Петрович, — мы сами виноваты. «Государство, государство!» Наше горе — оно наше. Понимаете, надо побить в шкуру и того, и того. Представьте, что вы охранник. Сколько пассажиров с детьми — и тут грязные, пьяные какие-то люди. У него просто приказ — очистить зал. Камеры же! Их наказывают, если вокзал не защищен.

Сегодня мороз. И завтра будет мороз. И послезавтра. И так — до конца января. Но и мы же ведь тоже ведем себя по-свински. Мы не слышим охранников. Нам нужно услышать друг друга, а так: «Ребята, холодно, будьте милосердны!» — «А вот это быдло мешает».

Они тоже выполняют работу. Как могут. Обратите внимание: они зайдут: «Бу-бу-бу-бу-бу», — мы попрячемся. А потом уже они спрячутся, и все наверх возвращаются.

Я сегодня иду курить, стоит банда охранников, совещаются. Я подхожу, спрашиваю: «О чем местное начальство думает?» — «Мы думаем, как вас вышвырнуть отсюда и чтобы вы двери забыли, как открываются». — «Ой, какие мечты! По-моему, они не сбудутся». — «Да вот мы тоже так думаем».

Одиссей БУРТИН

Поддержать «Ночлежку» можно на сайте www.homeless.ru.

В этой организации кормят, обогревают, помогают с документами, работой, устройством в интернаты, в поиске родственников и отъезде домой, оспаривают незаконные сделки с недвижимостью и защищают права людей без дома и регистрации.

ВОТ КАК ТЕПЕРЬ ЖИТЬ, ЧТО ДЕЛАТЬ

ВОРОНЕЖ НА СЦЕНЕ, ЗА КУЛИСАМИ, В ОБЛАКЕ

Над крыльцом воронежского журфака, над головами студентов дымки вейпов, легкий матерок и ошутимое отсутствие безмятежности. Я приехала на семинар по театральной критике, чтоб расспросить будущих коллег, как они относятся к своему Камерному театру и тому, что с ним произошло. Одна сигарета — несколько обрывков разговоров.

— ...да ни фи́га она не ви́дела, это по Белгороду прилетело.

— ...у них там надпись: «Годить надо», вот он такой слюпук...

— ...она мне войсела круглые сутки, чтоб я положил все в облако...

О! Мальчик, сам того не зная, дает мне решение: оценки, признания, куски монологов из тех, что я услышала в Воронеже, придется, сообразуясь со временами, положить в условное облако. Для защиты человеческих данных.

Больше ста дней прошло с момента, как три актрисы Камерного театра подали заявление об уходе. Сразу после объявления о том, что Михаил Бычков освобожден от обязанностей художественного руководителя. Все трое — примы: Наталья Шевченко, Яна Кузина, Татьяна Бабенкова.

Что произошло за эту длинную зиму с Камерным театром, главными участниками событий, зрителями?

Татьяна Бабенкова свою позицию комментировать отказалась. С ее уходом погибли два спектакля: «Гроза» и «Дядя Ваня»; вводы на роли Катерины и Сони делать не стали. Недавно Бобенкова сыграла в спектакле «Современника» «Двое на качелях».

А Наталья Шевченко и Яна Кузина, на которых держатся две трети репертуара, продолжают играть. Теперь не в штате Камерного театра: как приглашенные актрисы. Эту роль они выбрали сами.

Наталья

...С Наташей Шевченко мы устраиваемся за столиком в полутьме буфета Камерного, где все сотрудники работают как оркестр и где пока нет зрителей. Она стройная, легкая, с незримой печатью серьезной внутренней жизни, тем, что на сцене иметь не обязательно, но без чего больших ролей и больших актрис не бывает. Ее Раневская, которую я увидела в спектакле Антона Федорова, сожжена смертью сына и живет машинально, словно ни в чем не участвуя, трагический персонаж среди абсурдного комизма жизни.

— Когда я училась на втором курсе, в Воронеж приехал Бычков и поставил в ТЮЗе «Над пропастью во ржи». И для меня просто изменились все координаты, все сдвинулось. Я подумала: если не у этого режиссера работать, то больше ни у какого!

Наталья Шевченко

chamber.vrn.ru

Но когда в числе прочих артистов я получила приглашение от Михаила Владимировича начать новое дело, я не сразу из ТЮЗа ушла вслед за ним. Только через две недели поняла, какую совершила ошибку, в какую попала катастрофу, и впервые почувствовала, что это такое — без Быčkova. Когда он исчез из нашего пространства, и воздух, и напряжение, и градус всей жизни стал другим.

И вот началась история Камерного театра, и этот первый отрезок продлился десять лет: работа, азарт, невероятное ощущение радости. Новое дело было таким странным на фоне лихих 90-х, когда в стра-

не происходили невероятные изменения, все рушилось. Его идея была спасительной для нас: было ярко, сложно, очень интересно. Тот театр, который Бычков привез в Воронеж, стал для меня открытием, мерилом, точкой отсчета. В режиссуре он все время создает ситуацию, до которой нужно дотягиваться, и это очень важно, интересно, это сложно, и надо себя заставлять. Но в этом есть попытка роста, внутреннего движения.

А потом случилась моя личная история. Сначала я вышла замуж за студента театрального института, и у нас родилась девочка, потом мальчик. Муж тоже работал в Камерном театре года четыре, и с ним был поставлен замечательный спектакль по Милораду Павичу «В вечности еще один день»; жители Воронежа до сих пор его помнят. Они Алексея на улицах останавливают и говорят: «Мы ходили на этот спектакль восемнадцать раз»...

Но Алексей Иванников, муж Наташи, быстро понял: его путь не в актерстве. Искал себя, метался. Поступил в семинарию и стал священником. И Наташа ушла из театра.

В их новой жизни ей дали понять, что жена священника не может быть актрисой. Прима, на которую ставили спектакли, стала «матушкой».

Прошло тринадцать лет.
— У нас родилось еще двое детей, их теперь четверо. Все эти счастливые годы, пока меня не было в театре, я никогда не жалела о том, что произошло, но я очень скучала. Я очень скучала. Даже не могу объяснить, что это был за градус. Мне стоило закрыть глаза, и я видела сцену. Но я человек христианского сознания и верю, что Господь ведет нас...

Михаил Бычков

Дмитрий ЛЕКАЙ / Коммерсантъ

...И вдруг у меня зазвонил телефон. Являла трубку и услышала: «Здравствуйте, Наталья, я помощница Михаила Быčkova. Михаил Владимирович оставил для вас роль на вахте».

Прежде чем принять решение, Наташа с мужем пошли на прием к владыке. Митрополит Воронежский Сергей новостью обрадован не был. Однако высказался с библейской мудростью: «Я не могу тебе сказать: не делай этого, матушка. Проживи свою жизнь. Своя у тебя судьба...» И добавил: «В Евангелии есть место, где к Иоанну Крестителю приходят воины, и он их крестит. И они ему говорят: «Мы воины. Что нам делать?» И он им отвечает: «Идите на свое место и будьте христианами».

И Наталья Шевченко снова стала одной из ведущих актрис Камерного. И снова стала работать с Бычковым.

— С тех пор прошло уже семь лет, а кажется, что момент моего возвращения до сих пор длится. Но и мой уход был совершенно ясным. Другой реакции быть не могло на эту грандиозную несправедливость, на то, что из вселенной, созданной этим человеком, его изгоняют...

...Я была однажды в итальянском городке Альберобелло, там старинные каменные юрты из камушков, называются трulli, каждая семья для себя складывала свой. Они удивительно красивые, гармоничные, с коническими крышами, и в каждом есть свой «ключ» — один камушек, всего один! Но если его достать, весь домик рассыплется. Для меня очевидно: замковый камушек достали из нашего театрального строения.

Впрочем, репертуар Камерного, в котором львиная доля создана Бычковым, жив. Камерный выверенный, сложный и совершенный механизм. Здесь все отлажено как швейцарские часы, подобрана профессиональная команда. Ну возникает накладки: неточные световые переходы, пятиминутные задержки спектакля, психофизическое состояние актеров — да кого это может волновать? Только Быčkova.

На его место в областном министерстве культуры выбрали надежный вариант: нынешнего художественного руководителя зовут Сергей Викторович Карпов. Народный артист России, ректор Воронежского института искусств, председатель Общественной палаты.

Спектакли идут. И совсем не все зрители замечают, что атмосфера на разных этажах театра другая — словно каркас костюма, из которого вышел человек. Из двадцати артистов труппы несколько собираются доработать до конца сезона, а там решать.

— ...Мы теперь поняли, что жили в каком-то пузыре, — говорит Наташа, — что вокруг нас и внутри была жизнь, и теперь, когда мы понимаем, что она утекает сквозь пальцы, мы хотим быть ближе друг

Яна Кузина

chamber.vrn.ru

к другу, внимательнее, бережнее. И есть еще зрители, которые подписывали письмо, тысячи зрителей...

Из облака:

— Ну есть у нас в городе ТЮЗ, есть кольцовский театр, унылый немного, он такой типа для всех. А Камерный, он для думающих. Он смелый, сложный в образах, с заоблачными ассоциациями. Это место, куда хочется идти развиваться. Там понимаешь: это правда, это неправда, а это больше, чем правда. И поэтому туда тянет!

Яна

...Жду Яну Кузину после «Вишневого сада», зрители ушли, в театре гасят свет, «Камерный» погружается в полумрак и безмолвие. Бегущие невесомые шаги. Она появляется с начисто отмытым лицом в сиянии своих тридцати лет, огненных волос и таланта. Только что она была Варей, измученной и смиренной, а днем раньше — женственной, уязвимой Исменой. Яна Кузина парадоксально неожиданна на сцене, но все ее героини сильные, способные прыгнуть в пустоту. Так, как сделала она сама: после увольнения художественного руководителя пришла в бухгалтерию театра и написала заявление об уходе. Долго не соглашалась говорить со мной о случившемся, твердила: «Это боль, больно, должно пройти время...»

— ...Я не хотела бы больше возвращаться в те дни, которые мы пережили. Но помню, как он это нам всем сообщил. Сообщил и ушел. Помню, что выскочила из зала, побежала, разревалась. Он такой: «Ну что, что вы плачете?! Хватит, хватит, что происходит?!»

В спектакле по Ануию она играет Исмену, а должна бы — Антигону. Героиню, которая за свой выбор платит высшей ценой. И точно так, как в песне, окружающие оказались не в силах принять высокую реальность другого человека. Ее увольнение по собственному желанию одни считают импульсивным поступком. Другие саботажем. Вокруг ушедших из театра в сетях поднялся бешеный хейт. Обвиняли хором: шантаж, инфантильное поведение, нерасчетливость. А нерасчетливо — значит, глупо.

— Но это было выверенное поведение... И очень четкий поступок с холодным умом, хотя и горячим сердцем. Для меня было важно поддержать Бычкова. Я просто поняла, что если не скажу ему спасибо за все, что было, просто не смогу с этим жить. Он навсегда для меня будет человеком, который исполнил мою детскую мечту, взял меня в театр. И это моя благодарность ему.

У меня, кроме театра, ничего и нет больше, я не замужем, у меня нет детей, для меня это вся моя жизнь, благодаря

театру я вообще с собой как-то знакомлюсь, разбираюсь, ну и вообще просто взаимодействую с миром, это такой для меня диалог, да...

Меня папа спросил: «Ты не будешь жалеть об этом?» Нет, я совсем не жалею. Хотя у меня ипотека, я давно не живу с мамой и папой, друзья мне твердят: «Куда ты ушла? Вдруг ты никому будешь не нужна...»

А потом я поговорила с родителями, это был важный разговор, очень важный для меня. Потому что у меня непростые взаимоотношения с папой. Я помню ситуации, когда он мне реально запрещал что-то делать, просто запирает дверь, закрывал меня в комнате, говорил: «Ты не выйдешь, я тебе не разрешаю, я чувствую, что ты не должна это делать!» И когда сейчас мы с ним на эту тему разговариваем, я говорю: «Пап, позволь мне решить и ошибиться. Просто позволь мне ошибиться! Хорошо, я верю, что ты лучше знаешь, но давай я просто тоже попробую... И вдруг он мне говорит: «Сейчас первый раз в жизни я не чувствую, что должен тебя остановить. Не чувствую, что ты делаешь неправильно». Вот я говорю, а у меня мурашки, так для меня это было важно.

...У меня есть подруга, Катя. Мы с ней недавно разговаривали по телефону, часа три ночью, и я говорю: «Может быть, нам всем сейчас такое дается, чтобы мы вспомнили про любовь, чтобы научились любить?» Она говорит: «А вдруг человечество вообще никогда не умело любить и не знает, что это такое, и вдруг наконец-то вот сейчас благодаря вот этому мы все научимся...»

Я говорю: «Не знаю. А вдруг мы все-таки знаем, но забыли... Катя, нужно быть милосердной». Она говорит: «Яна,

это же так сложно». Я говорю: «...Но так хочется...»

Из облака:

...Был на «Грозе», и там действие перенесено в середину XX века, в коммунальную атмосферу. И костюмы, и свет, и декорации — все работало на мрак.

И одна сцена до сих пор перед глазами. Катерину Татьяна Бабенкова играла. Там была музыка, грустная, горькая эмоция, разрезанный наполвину трамвайчик, и она в этом трамвайчике на перилах ездил, крушила все, у нее был расколбас такой, очень крутая сцена!..

Антигона

В спектакле «Антигона» вместо Татьяны Бабенковой сегодня играет Юлия Шеглова. Напомню сюжет: дочь царя Антигона хочет похоронить брата. Креон, глава государства и ее дядя, после мятежа велел для одного из братьев-зачинщиков устроить почетные похороны, а второго бросить на голую землю. Античные люди верили: душа человека, чье тело не предано земле, будет вечно блуждать в потемках. Между тем Креон запретил приближаться к телу под страхом казни. Антигона нарушает запрет. Дядя вынужден держаться буквы собственного указа, ее казнят. Но перед этим Бычков закладывает в спектакль крайнее напряжение — идет их объяснение-поединок. Пожалуй, впервые я вижу спектакль, где сильнее не моральные максимы Антигоны, а пронизанный знанием жизни и ее устройства опыт Креона. И дело, похоже, не только в том, что Шеглова молода, а Камиль Тукаев блестящий артист, не только в жестоком времени, вытесняющем высокие отвлеченности. Дело еще и в отсутствии художественного руководителя, при котором этот крен был бы невозможен.

Впрочем, кто б мог подумать, что вопрос о погребении тела из драматургии прямо перейдет в нашу реальность. И так же, как в сюжете Софокла и Ануия, останется абсолютной прерогативой государственной власти.

Спрашиваю у молодых зрителей после спектакля, кто прав. Почти все они на стороне Креона. Только одна девушка выбирает Антигону («За нею истина!»).

Пока мы в фойе со зрителями обсуждаем спектакль, прихрамывающая старая дама, устремляясь к выходу, непонятно бросает на ходу:

— Обрушили! Обрушили!

Камиль

Он встречает меня на служебном входе утром минута в минуту: свитер небрежно накинут на плечи, спокойное лицо. И ни секунды не ходит вокруг и около.

Татьяна Бабенкова

Соцсети

— Все сводится к одному простому вопросу, до безобразия простому — как жить, вот как теперь жить, что делать? А от этого идут производные — как писать, как играть, что ставить, с кем говорить, с кем дружить, с кем здороваться, с кем не здороваться... Но в принципе один вопрос краеугольный — как жить?

Мы сидим с премьером Камерного в его примерке. Я только что видела его в роли Гаева, инфантильного и комичного, с повадками решалы. А днем раньше в роли Креона, мягкого и беспощадного.

— Я чувствую себя сейчас, как в десятилетнем возрасте, когда вдруг в одночасье превратился в приемного сына, и из моего мира осталась только мама, мои книжки и игрушки. Мама развелась с отцом, и мы вступили в новую семью, а там чужие люди, с которыми ты не связан ни кровно, ни воспитанием, ни годами, ничем.

Поздно понял в связи с этой бедой, которая произошла с нашим театром, что в моей жизни, оказывается, был художественный смысл. Оказывается, я был частью какого-то очень сложного, красивого и гуманного организма, в котором есть «Мандельштамфест», «Маршакфест», в котором есть звонок от Бычкова: «Зайдите в кабинет». Это все был огромный подарок судьбы. А сейчас я стал себе напоминать человека, идущего на смену, в забой, на завод. И меня это просто ужаснуло.

А ведь еще зритель все время просит: «Пожалуйста, не уходите, мы хотим видеть спектакли Бычкова, мы так хотим на них ходить!»

В Камерном никогда ничего не делалось ради кассы или развлечения зрителя. Поэтому аншлаги и полные сборы. В его репертуаре «Кабала святош» Булгакова и «Мещане» Горького, «Дядя Ваня» и «Вишневый сад» Чехова, «Гроза» и «Бальзамино» Островского, «Игроки» Гоголя, «Привидения» Ибсена, «Ребенок» Юна Фоссе, «Провинциальные анекдоты» Вампилова.

— ...Мы были линкором, который шел все время вперед, оромный, большой линкор. А сейчас мне кажется, что мы большая баржа, стоим и ждем, куда нас потащат, поставят ли нам мотор... .. Наш театр существует, потому что все пытаются всё сохранять. Но я не знаю, что будет дальше.

Я спрашиваю Тукаева про Антигону и неожиданный слом смысла. Он не согласен.

— Креон не кто иной, как манипулятор, очень хороший психолог и манипулятор, он примеривает массу разных масок, начиная от дружка и заканчивая дядей, ментором, тираном. Наш театр построен так: мы для человека, про человека, для умного зрителя. И вот умный зритель услышал бы слова Креона, которые он говорит: «Я хочу, чтобы все эти скоты, которыми я управляю...» Правитель, который считает свой народ скотами, априори не может быть хорошим.

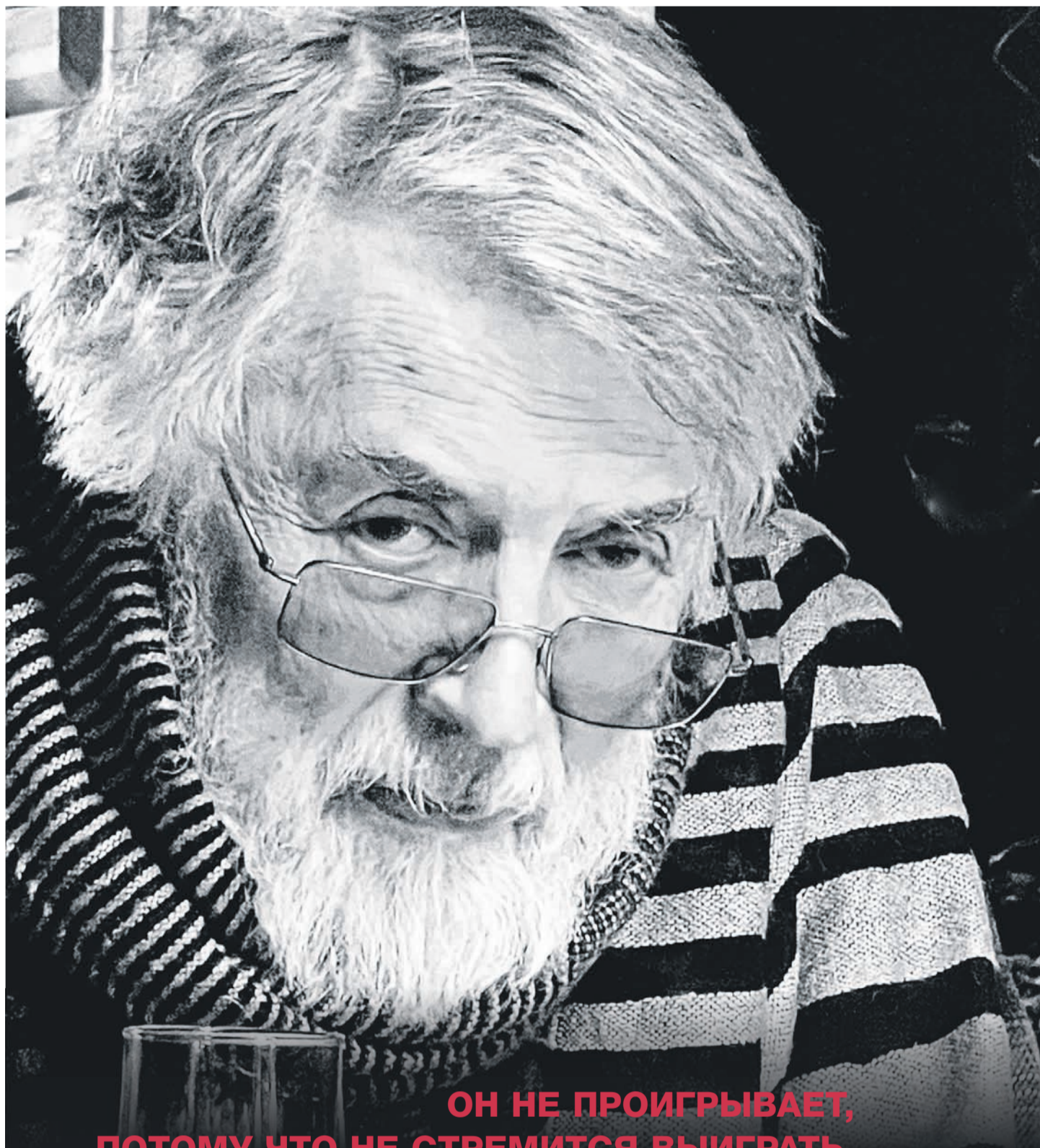
Из облака:

Иногда такая тоска, такое герметичное состояние, хоть вой. Тупик. Но если хочешь получить сигнал какой-то ободряющий или даже чтоб тебя напрягли, озадачили — иди в Камерный. Это такой театр — как собеседник, будто слышит твой внутренний голос, будто отвечает на вопрос. Ты его не задал, а ответ все равно получил...

Марина ТОКАРЕВА

P.S. В конце семинара мы со студентами играем в ассоциации: передаем по кругу слово, откликаясь первым пришедшим на ум. Выходит так: солнце, небо, рассвет, тьма, отмирание, вера, религия, надежда, отсутствие, апатия, безнадежность, боль, лекарство, панацея, спасение, рассвет, мир.

P.P.S. Бычков начал репетировать в Камерном...

**ОН НЕ ПРОИГРЫВАЕТ,
ПОТОМУ ЧТО НЕ СТРЕМИТСЯ ВЫИГРАТЬ.
ПАМЯТИ ДРУГА**

ШИРВИНДТ — НАША ЖИЗНЕННАЯ УДАЧА

Талант — расходный материал, ум — подвержен усталости с годами, обаяние тоже от возраста не прибавляется, доброта постепенно вытесняется безразличием, любовь — привычкой, дар жизни — обретенным мастерством проживать... Тускнеет человек, устав тратить силы на сохранение образа, к которому приучил окружающий мир. Пожалуй, можно уже и не очень стараться нравиться. Да ты и не делаешь этого! Необъяснимая загадка твоей природы, Шура, что в тебе не убывает жизнь, что она не теряет уникальных качеств, которые в силу прожитых лет обязаны

были если и не покинуть тебя вовсе, то точно уж прикрутить фитиль, чтоб сэкономить пламя. В конце концов, за всю твою блистательную жизнь любящие тебя, с невероятной щедростью одаренного природой, да еще приложившего доставляющие тебе удовольствие усилия друзья и почитатели невероятного актерского (всегда готового к демонстрации) дара приучили себя воспринимать Александра Анатольевича Ширвиндта как нечто небывалое по силе притяжения к себе не только в театральном искусстве, но и в жизни. Тебе веришь! Всегда!

Ш

ура — блестящий Артист, создатель жанра, он режиссер, драматург, и главный зритель — тоже он. Конечно, есть и другие зрители. Восторженные. Потому что ни с чем не сравнимая, невероятной плотности обаяния и остроумия пьеса под названием «Шура» идет уже лет семьдесят.

С аншлагом!
И не важно, сколько народа в кресслах. Тысячный залили единственный собеседник с рюмкой. И конкурентов на исполнение главной роли нет.

Помните выражение академика Ивана Павлова о том, что молоко — изумительная пища, приготовленная самой природой? У нобелевского лауреата есть и другие мысли, но они не так близко связаны с феноменом Александра Анатольевича Ширвиндта, который, на мой взгляд, изумительный актер, приготовленный самой природой с талантливым участием самого фигуранта.

Можно, разумеется, обаять одного влюбленного зрителя, можно заморозить целый театральный зал, но таких режиссеров, как Эфрос, Захаров, Плучек в профессии обмануть не представляется возможным. Молоко может, разумеется, прикинуться кефиром, сыром, творогом, мацони, даже поучаствовать в очистке водки, но основная роль молока — молоко. А Александр Анатольевич может предстать остроумным и самобытным писателем, художественным руководителем театра, профессором, а в своих книгах, на сцене и на экране достоверно изобразить какую-то другую жизнь, но основная роль Ширвиндта — Ширвиндт.

Он умен, парадоксален, талантлив, вальяжен и в известном смысле безразличен к тому, что не создано им самим на наших глазах. Слушать его — наслаждение, а смотреть на него — удовольствие.

Своим невероятным обаянием он переигрывает любых режиссеров и авторов, оставляя за собой право оставаться самим собой, в каких бы одеждах ни предстал перед нами.

Он дружит для собственного удовольствия, а выигрывают и друзья, потому что доброе участие в чужих судьбах ему не обуза, а радость.

Для собственного удовольствия он ловит рыбу на Валдае (не столько он ее вылавливает, сколько, собственно, сидит с удочкой, покуривая трубочку, на берегу), а выигрывают не только семья и близкие, но и сама рыба. Общаясь с Шурой, какой-нибудь окунек или красноперка, разумеется, попадает на крючок (как и мы, впрочем). Но с этого привлекательного крючка совершенно не хочется сходить. Ну мне, по крайней мере.

И играет он для собственного удовольствия. Раздал Создатель нам карты. Кому какие. И каждый выбирает игру. Кто бридж, кто преферанс, кто секу... А Шура играет на первый взгляд в простую, а на деле сложнейшую игру (спросите у профессионалов) — в дурака. Он не избавляется от карт, побивая старшей младшую, создавая иллюзию мгновенного (и временного) превосходства, а набирает себе полколоды и выстраивает кружевные комбинации, не унижающие соперника, но демонстрирующие красоту и остроумие его игры. Он не проигрывает, потому что не стремится выиграть.

...Хотя кто знает, что у этого природного Артиста, благородного и доброго человека внутри?

Теперь мы не узнаем этого никогда. Одиноко и страшно без тебя, Шура!

Юрий РОСТ

Артем ГЕОДАКЯН / ТАСС

**ЕГО ГОЛОС
ПО НАВИГАТОРУ
ВЫВЕЛ МОЮ МАШИНУ
НА НУЖНУЮ ДОРОГУ.
ПОСТАВЬТЕ
И ВЫ СЕБЕ ЕГО
ГОЛОС В НАВИГАТОРЕ.
НАМ ОЧЕНЬ НУЖНЫ
СЕЙЧАС ВЕРНЫЕ
ГОЛОСА**

ДОРОГОЙ МОЙ ВАСЯ!

Василий Уткин говорил, что ему прекрасно удаются некрологи. Это правда. Васины некрологи были прекрасны — насколько вообще может быть прекрасен этот жанр. Теперь я сижу и пишу некролог, стараясь не посрамить нашей многолетней дружбы и наших совместных эфиров. Не привык говорить, что горжусь тем, что делал. Не мне судить, не мне гордиться. Но нашими эфирами гордиться могу. И мне будет что вспомнить.

...Вы можете не любить спорт вообще и футбол в частности. Большинство так и делает. Россия — не спортивная страна. Но Василия Уткина знали все. И когда Вася умер — об этом написали везде! Спортивные, политические и даже каналы, в которых до сих пор были только танки, ракеты и карты боевых действий. Это и есть величие. Выйти за рамки того дела, которым ты занимаешься. Стать нарицательным в своей профессии. Наши дедушки знали Синявского, наши отцы (и мы в детстве) знали Озерова. Спортивным комментатором нашего по-

коления был Василий Уткин... Хотя Васю постоянно путали с Виктором Гусевым, а Гусева с Уткиным, но это была как раз та самая «погрешность», которая позволяла не зазнаваться и тому и другому.

Ни один человек, знавший Васю, не оставался равнодушным. Это было не обязательно личное знакомство. Но для болельщика комментатор — это уже близкий человек, с которым болельщик на «ты». Так вот с Васей для остальных было — без полутонов. Либо восторг, либо неодобрение. И среди коллег — либо дружба на все сто, либо «контры» и «ножи». Но сейчас каждый

из тех, с кем у Васи были трудные отношения, скажет, что Уткин — был велик, был огромен и личное не имеет больше никакого значения.

Про то, что Вася был огромен. Он действительно был огромен. 203 см роста, 200 кг веса. Это давало повод для насмешек и мемов. И это, к сожалению, затмевало другое. Василий действительно был большим человеком. Но совсем в другом смысле. Он был очень добрым. Он был очень чувствительным. Он был очень ранимым и одиноким. Он стеснялся этого и не хотел показывать. Он прятал это то за язвительностью, то за грубова-

тыми шутками. Но на самом деле был другим. Очень хорошим. Просто очень хорошим человеком.

Он был больше и лучше, чем наш футбол, с которым он жил в одно время. Возможно поэтому (как мне кажется), его лучшие репортажи были с международных матчей. И его «Футбольный клуб» был революцией не только для спортивной журналистики, но и журналистики вообще.

Мы были ровесниками, я недавно поздравлял его с днем рождения. И поневоле думаешь: вот человек, который столько всего успел сделать, столько достиг, — а ты? А я, по крайней мере, провел с Васей несколько сотен эфиров, которыми горжусь.

Последним моим сообщением Василию была благодарность. Его голос по навигатору вывел мою машину на нужную дорогу. Поставьте и вы себе его голос в навигаторе. Пусть и такой будет ваша память. Нам очень нужны сейчас верные голоса, чтобы выйти на нужную дорогу.

**ВАСИЛИЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО
БЫЛ БОЛЬШИМ ЧЕЛОВЕКОМ.
НО СОВСЕМ В ДРУГОМ СМЫСЛЕ.
ОН БЫЛ ОЧЕНЬ ДОБРЫМ.
ОН БЫЛ ОЧЕНЬ ЧУВСТВИТЕЛЬНЫМ**

Антон ОРЕХЪ

СМОТРИ В ОБА

с Ириной Петровской

«НИЧТО, СВЯЗАННОЕ СО МНОЙ, НЕ ИМЕЕТ СЧАСТЛИВОГО КОНЦА»

ПАМЯТИ
ВАСИЛИЯ УТКИНА

Валерий ШАРИФУЛИН / ТАСС

Вечером 20 февраля канал «Матч ТВ» изменил программу передач и поставил в эфир программы с участием Василия Уткина в память о только что скончавшемся журналисте. В телеграм-канале «Матча» появились сообщения: «Спортивный мир потерял легенду», «Василия больше нет с нами. Но его голос будет всегда». А Тина Канделаки разместила в своем телеграм-канале трогательный пост-некролог, оговорившись: «Несмотря на все его плохие слова в мой адрес, сейчас уже про это и говорить глупо».

«С Васей у меня отношения не сложились, — написала она. — В этом, конечно, была моя вина, потому что столь неординарному человеку, как Вася, нужно было особенное внимание. В спешке и желании доказать, что «Матч ТВ» будет лучшим спортивным каналом в стране, я не смогла уделить ему достаточно времени. А он в нем нуждался. Он был человеком, который жил вниманием окружающих... Я не могу не признать, что он был одним из самых талантливых спортивных журналистов, которых я встречала. Объективно. Спортивное телевидение было смыслом всей его жизни... Он должен был успеть сделать гораздо больше. И очень жаль, что в том числе из-за своего интеллектуального и человеческого одиночества Вася остался один и так рано ушел из жизни...»

Классика просто: «Они любить умеют только мертвых». «Он должен был успеть сделать гораздо больше». Ну да. Только напомним, что Уткина выдавили с «Матча» вскоре после прихода туда на должность генерального продюсера именно Тины Канделаки. Слишком неформатным оказался он для телеканала и его руководительницы, имеющей такое же отношение к спорту и спортивному ТВ, как сам Василий Уткин, например, к балету. «Работать на спортивном канале под руководством Канделаки унижительно, — говорил он. — Это предательство потраченного на профессию времени».

Когда-то один из главных редакторов, под руководством которого мне довелось работать, на вопрос, кого он предпочтет взять к себе в редакцию — талантливого, но неудобного, или средних способностей, но исполнительного сотрудника, — честно признался: середнячка. Потому что с этими талантливыми хлопот не оберешься, а середнячки послушны и исполнительны, да и прилично писать рано или

поздно можно обучить любого, кто будет из кожи вон лезть, чтобы добиться какого-никакого успеха и угодить начальству.

Уткин был безмерно талантлив и столь же неудобен. Как всякий профессионал своего дела знал себе цену. «Кто круче тебя в спортивной журналистике?» — как-то задали ему вопрос. «Мне не надо об этом думать, — ответил Уткин. — Я знаю предел своих возможностей».

После вынужденного ухода с «Матч ТВ» он фактически больше на телевидении постоянно не работал. 17 марта, за три дня до скоростной смерти,

УТКИН БЫЛ БЕЗМЕРНО ТАЛАНТЛИВ И СТОЛЬ ЖЕ НЕУДОБЕН. КАК ВСЯКИЙ ПРОФЕССИОНАЛ СВОЕГО ДЕЛА ЗНАЛ СЕБЕ ЦЕНУ. «КТО КРУЧЕ ТЕБЯ В СПОРТИВНОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ?» — КАК-ТО ЗАДАЛИ ЕМУ ВОПРОС. «МНЕ НЕ НАДО ОБ ЭТОМ ДУМАТЬ, — ОТВЕТИЛ УТКИН. — Я ЗНАЮ ПРЕДЕЛ СВОИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ»

отметил в своем телеграм-канале: «О, а у меня дата-то какая сегодня полукруглая! 17 марта 1989 года меня взяли на работу во «Взгляд». 35 лет назад. Формально я не могу сказать, наверное, что это 35 лет работы именно на телевидении. А по сути — могу».

Принято считать, что телевизионная слава — штука эфемерная. Пока человек в кадре — он звезда, кумир и герой нашего времени. А убери его из кадра, лишь этого «наркотика», каковым многие телевизионщики считают телеэфир, — и через неделю-другую забудут о нем фанаты и почитатели. Будут поклоняться новым кумирам.

Судьба Василия Уткина опровергает этот постулат как никакая другая. Многие зрители сегодня, скорбя об утрате, пишут, что равных Уткину на этом поприще не было и нет, что и спустя годы помнят именно его стиль, его комментарии,

его неподражаемый юмор. Пару недель назад литературный критик Галина Юзефович взяла у Василия интервью. Беседовали обо всем — о кино, о книгах и, конечно, о спортивной журналистике. Признавшись, что футбол не входит и никогда не входил в сферу ее интересов, Юзефович, однако, сформулировала главное, что привлекало к нему миллионы зрителей: «В своих спортивных комментариях вы говорите, как человек».

Два года назад к грядущему 50-летию юбилею фильм о Василии Уткине снял его ученик, а ныне один из ведущих

«Ты доволен, как развивается твоя карьера?» — спросил он. «Я считаю, что моя карьера закончена, — без тени рисовки отвечал Василий. — Карьера — это некий путь по ступенькам вверх. А я сейчас занимаю ровно то положение, которое я бы хотел занимать. Я просто представляю сам себя и занимаюсь, чем считаю нужным». «Она закончена — это счастливый конец или нет?» — уточнил интервьюер. «Ничто, что связано со мной, не имеет счастливого конца. Я живу грустной счастливой жизнью», — признался Уткин. «А ты не сталкиваешься с тем, что люди вокруг тебя больше переживают за твою карьеру, чем ты: «Вась, ну как так? Ты же такой талант, как же ты не комментируешь на ТВ... Раньше чувак комментировал на миллионы, а теперь его смотрят (на ютубе) 2–3 тысячи?...» — «Эти люди переживают за себя, — жестко резюмировал Вася. — На самом деле я, правда, этим заниматься больше не хочу. Это меня теперь не особенно интересует, я не связываю с этим более-менее ничего».

Когда речь зашла об одиночестве, Уткин с печалью, но согласился: «Безусловно, я одинокий человек. Наверное, это не очень хорошо и не очень правильно. Но это моя жизнь, что я могу с этим поделать. Ну, а серьезно, кому я, в общем, нужен?»

Фильм «Жизнь Василия Уткина» снимался в середине февраля 2022 года. А 24 февраля Уткин написал: «Худший день в моей жизни. Рекорд побит. Мрак и бессилие. Не думал, что в моей жизни будет такой день». Разумнее было бы промолчать, но он не смог, чем окончательно отрезал себе пути возвращения на ТВ, даже если на словах как будто ни о каком возвращении и не помышлял. Но Витя Кравченко в этом вроде бы юбилейном фильме словно предчувствует грядущую катастрофу. Вот только что Уткин спрашивал у своего ученика, праздновать или не праздновать юбилей, и склонялся к тому, что праздновать не будет, — и вдруг обрыв. Конец фильма — как конец жизни. Черное поле. Мрак и бессилие.

Над выпуском работала
московская редакция
«Новой газеты»